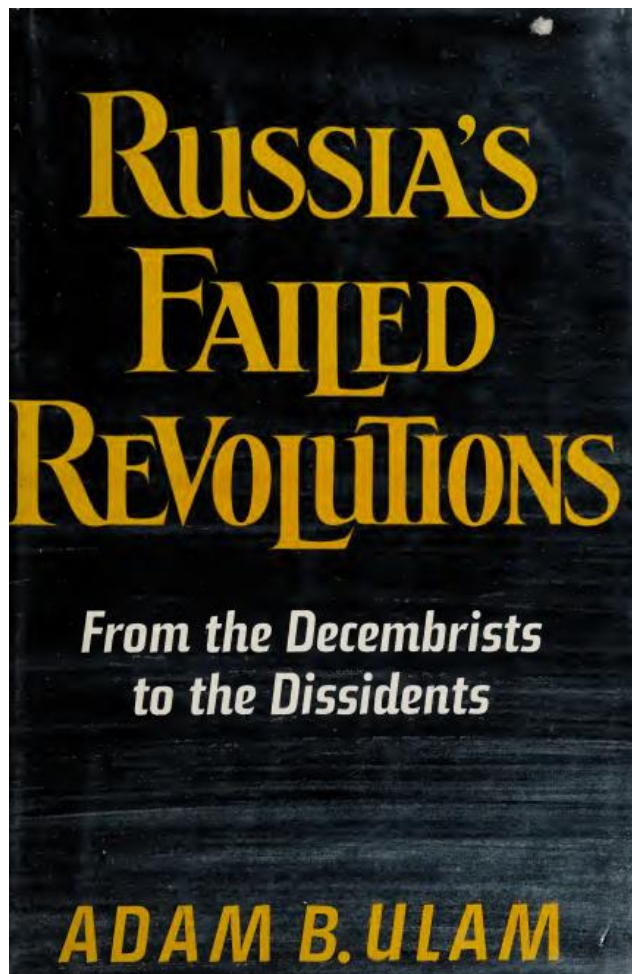

Адам Б.Юлам

ПРОВАЛИВШИЕСЯ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

От декабристов до диссидентов

АННОТАЦИЯ

С 1815 года и до наших дней борьба за политическую и интеллектуальную свободу остаётся постоянной темой русской истории. Однако эта борьба длилась лишь очень короткими промежутками, ибо Россия была и остаётся репрессивным обществом, управляемым авторитарным правительством. Ни одна из её бесчисленных либеральных революций и реформаторских движений не увенчалась успехом. Почему?

Именно этот центральный парадокс русской истории и его последствия для будущего и рассматривает в данном кратком исследовании выдающийся историк Адам Б. Юлам, автор фундаментальной биографии Сталина и ведущий специалист как по прошлому, так и по современной истории России. Начиная с abortивного восстания декабристов 1825 года, он прослеживает различные движения, которые время от времени безуспешно стремились к равенству через необычайный экуменический популизм 1860-х и 1870-х годов, трагические революционные драмы 1905 и 1917 годов, и завершает повествование возрождением инакомыслия в Советском Союзе сегодня.

Как пишет профессор Юлам в этой поистине замечательной истории, она полна иронии, трагических недоразумений и упущенных возможностей. Но главное достоинство книги — блестящая традиция, которую она выявляет: от неспособности приспособиться к национализму; от времени к времени национальный импульс, первоначально вызванный недовольством, разворачивался и становился оружием самих авторитарных государственных структур. Но этот процесс, как отмечает автор, не является неизбежным, и возможно, что русскому национализму, который слишком часто становился оправданием государства, в будущем суждено стать силой инакомыслия и подлинной реформы.

АДАМ Б. ЮЛАМ — профессор истории и политической науки, а также директор Русского исследовательского центра Гарвардского университета. Среди других его книг: *In the Name of the People: Prophets and Revolutionaries in the Russian Revolution* (пересмотренное издание, 1977), *The Bolsheviks* (1965), *Expansion and Coexistence: Soviet Foreign Policy, 1917–1973* (пересмотренное издание, 1975).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга не претендует на то, чтобы быть систематической историей русской революционной традиции. Скорее, она стремится ответить на вопрос: что именно в решающие моменты мешало благим намерениям российских революционеров и реформаторов? Начиная с декабристов, книга завершается обсуждением смысла и перспектив современного инакомыслия и его последствий для будущего свободы в России и за её пределами.

Этот труд, как и несколько моих предыдущих, многим обязан крестьянской и интеллектуально бодрящей атмосфере Гарвардского Русского исследовательского центра. Среди моих многочисленных друзей и коллег хочу особо поблагодарить мою ассистентку миссис Кристин Балм, а также Билла Фирмана и Мишу Цыпкина, оба из которых помогали в работе над этой книгой.

Адам Б. Юлам
Кембридж, Массачусетс

ГЛАВА 1

КОЛЕБЛЮЩИЕСЯ БУНТОВЩИКИ: ДЕКАБРИСТЫ

Эта скорбная церемония была задумана Николаем I с той же педантичной тщательностью, которая позднее станет отличительной чертой всего его тридцатилетнего царствования. Ей надлежало стать эпилогом истории декабристов — людей, которые при восшествии Николая на престол попытались совершить военный переворот, чтобы низложить его и покончить с самодержавием в России. За один день, 14 декабря 1825 года, плохо подготовленное восстание было подавлено. Теперь осуждённых мятежников должны были публично опозорить на глазах их бывших товарищей и солдат.

В ночь на 13 июля 1826 года, в два часа, более ста бывших офицеров вывели из камер во двор Петропавловской крепости, окружённый подразделениями всех полков петербургского гарнизона. Каждого узника по очереди ставили на колени перед его бывшим полком. Унтер-офицер ломал шпагу над его головой, срывал эполеты и знаки отличия. Затем осуждённых лишали мундира и одевали в арестантские балахоны. С этого момента они переставали быть офицерами и дворянами и превращались в преступников, лишённых гражданских прав. После этого бывших мятежников уводили обратно в камеры — ждать долгого пути в кандалах, в большинстве случаев в Сибирь.

Пятерых заговорщиков освободили от этой позорной церемонии: в дальнюю дорогу им уже не предстояло отправляться. Их ожидала лишь короткая прогулка через двор — к виселице, поставленной накануне у края крепостной ограды. Перед ней они выслушали последнюю религиозную службу, и к четырём часам утра были готовы к заключительному действию.

Хотя смертная казнь в России была отменена, вина этих пятерых была признана столь великой, что их приговорили к четвертованию. Император, негласно направлявший работу суда из-за кулис, затем распорядился изменить способ казни в духе просвещённого века: вместо четвертования — повешение.

Все пятеро происходили из разной среды и играли в событиях, приведших их на эшафот, разные роли. В сущности, каждый из них мог служить образцом особого типа бунтовщика, каждый по-своему предвосхищал один из видов революционеров, которым предстояло заполнить русскую политическую сцену вплоть до 1917 года.

Пётр Каховский ближе всего подходил к патологическому типу революционера — человека, внутренне одержимого крайним делом, будь оно левым или правым, и готового ради него убивать. Кондратий Рылеев, поэт и мечтатель, принадлежал к тем людям, которые всегда готовы бороться с общественной несправедливостью, даже ценой безрассудной авантюры, и которые одним своим энтузиазмом умеют преодолеть колебания и сомнения товарищей. Михаил Бестужев-Рюмин был самым молодым из них — во время восстания ему было двадцать два года. Горячий, по-детски увлечённый заговором и интригой, он не пользовался особой симпатией у товарищей.

Двое других выделялись даже среди всего круга декабристов: Сергей Муравьев-Апостол — нравственным складом, Павел Пестель — интеллектуальными качествами. Муравьев был тем, кого, хоть и чрезмерно часто, всё же справедливо называют идеалистом. Наследник огромного состояния и знаменитой фамилии, он вступил на путь заговора и бунта из отвращения к тому, как в русской армии обращались с простым солдатом. После провала 14 декабря, когда уже было ясно, что переворот не удался, Муравьев-Апостол всё ещё пытался поднять мятеж, увлекая свой полк в самоубийственное предприятие.

Павел Пестель считается самой выдающейся и вместе с тем самой загадочной фигурой среди декабристов. Немец по происхождению, блестящий офицер, которого когда-то прочили к высшим военным назначениям, он вместо этого избрал дорогу, которая вела его к виселице. Мыслитель и писатель, а также практик заговорщического ремесла, он стоит первым в длинном ряду революционеров, соединявших в себе деятеля и теоретика, — традиции, которая однажды породит Ленина. И по своей склонности к уравнительности, соединённой с авторитарностью, Пестель из всех декабристов ближе всего стоял к предтече большевизма. Товарищи не без основания подозревали в нём диктаторские замыслы.

Когда осуждённые встали перед виселицей, приговоры были зачитаны ещё раз. Все, кроме Бестужева-Рюмина, которого пришлось силой втащить на помост, держались спокойно и с достоинством. Они обнялись, им завязали глаза, и палач приступил к своему делу. Тут произошёл случай, ещё более усиливший ужас происходящего. Когда люк раскрылся, трое осуждённых оказались слишком тяжелы для веревок и, оставаясь в живых, упали в ров. По апокрифическому преданию, Муравьев, один из троих, крикнул: «Какая несчастная страна! Тут даже вешать как следует не умеют».

Прошло некоторое время, пока не принесли новые верёвки; на этот раз палач, подгоняемый бранью командующего офицера, сделал своё дело, и дикий обряд завершился. Царское правосудие превратило пятерых неудавшихся заговорщиков в мучеников, чья легенда должна была вдохновлять и поддерживать будущие поколения русских революционеров.

Что же привело всех этих людей — в большинстве своём дворян, некоторых с блестящими перспективами — на дорогу, которая привела их к двору Петропавловской крепости? Один ответ подсказал Пушкин в стихах, предназначенных для «Евгения Онегина», но по понятным причинам не вошедших в печатный текст. Он писал о декабристах, многих из которых хорошо знал: «... Заговоры рождались за вином, в дружеских беседах, среди сатирических песен и политических споров. Но за этим часто стояло не столько зрелое революционное намерение, сколько молодое возбуждение, порожденное скукой, праздностью и жаждой сильных впечатлений. Взрослые люди нередко предавались тогда почти юношеской игре в заговор»¹. Это, однако, было не последнее пушкинское слово о значении драмы декабристов.

Но и в начале история была не просто «безумной игрой». Правда, толчком послужила та жажда действия, которая часто овладевает молодыми людьми, когда после ярких, бурных времён их

¹ А. С. Пушкин, Сочинения, V (Москва, 1957), с. 213.

вновь отталкивают в серую повседневность. Эпопея наполеоновской эпохи только что завершилась, и цвет русской молодёжи успел пережить сначала воодушевление от победы над до того непобедимым врагом на родной земле, а затем — торжественный марш по Европе.

Для них, как и для остальных русских, император Александр I воплощал волю народа отразить нашествие и положить конец наполеоновской тирании над другими народами. Его прославляли как освободителя Европы и вершителя её судьбы. Но, вернувшись к своему народу, Александр вновь стал самодержцем. Тот самый человек, который настаивал, чтобы Бурбоны, возвращённые им на престол, даровали Франции конституцию, и который собирался наделить представительными учреждениями своих польских подданных, продолжал править Россией как абсолютный монарх.

Император не подавал и признаков того, что намерен заняться насущными общественными болезнями страны. Большинство русских крестьян оставалось крепостными; крепостное состояние большей части нации было и симптомом, и главной причиной её отсталости. С окончанием войны профессиональная жизнь молодых офицеров снова свелась к бесконечным парадам и муштре. Те из них, кто был более склонен к размышлению, были глубоко поражены тем, что увидели на Западе. Они не могли не задумываться о том, как при всей своей военной мощи империя по части политических и общественных учреждений, экономики, образования — словом, всего, что составляет цивилизацию, — отстаёт от Франции, Англии и даже мелких германских княжеств.

Чувствительный человек не мог оставаться равнодушным к одной из самых мрачных сторон русской жизни — драконовской дисциплине в царской армии, где даже за мелкие проступки или ошибки на строе солдат пороли, и порой жертва умирала под кнутом.

Именно горячее желание исцелить Россию от подобных зол побудило шестерых молодых гвардейских офицеров в феврале 1816 года создать тайное общество. Сначала оно называлось Союзом спасения, а вскоре получило и дополнительное имя — Общество истинных и верных сынов Отечества. Инициатива исходила от Александра Николаевича Муравьёва, которому в двадцать три года он уже был полковником и многократно награждённым ветераном наполеоновских войн. Его товарищами стали князь Сергей Трубецкой, Иван Якушкин и трое родственников и тёзок Александра, среди которых был Сергей Муравьёв-Апостол.

Четыре Муравьёва на этом историческом собрании! Но имя этого знаменитого рода вообще необычайно часто встречается в русской истории XIX века. Среди них были крупнейшие генералы страны, прославленные имперские наместники, высокие гражданские и судебные чиновники, послы, а также — знаменитые мятежники. Политическая двойственность русского правящего слоя особенно наглядно проявилась в карьере Михаила Николаевича Муравьёва, брата Александра. Ранний участник тайного общества, после восстания он был арестован вместе с другими декабристами, но сумел оправдаться и был освобождён. Бывший заговорщик дожил до того, что стал классическим образцом жестокого и реакционного царского бюрократа; его роль в подавлении польских восстаний 1830–1831 и 1863 годов принесла ему в истории имя Муравьёва-Вешателя.

К концу первого года Союз спасения насчитывал четырнадцать членов, по происхождению и жизненному опыту сходных с первоначальной шестеркой. Среди них был и Павел Пестель. В своей организации и структуре тайное общество было смоделировано по образцу масонской ложи, что отражало как масонские связи его членов, так и попытку придать зарождавшемуся политическому заговору прикрытие. Масонство тогда было весьма модным в русских высших кругах. Власти относились к нему терпимо, хотя и без особого восторга, будучи традиционно подозрительны ко всяким частным объединениям, не имевшим чисто светского характера.

В конце первого года существования общество приняло устав. Его члены обязывались добиваться введения конституционной монархии, уничтожения крепостного права и ограничения влияния иностранцев в правительстве. Для России это было новым явлением: программу политического действия формулировала уже не власть, а группа частных лиц. Само по себе это не было чем-то сенсационным. Конституционные идеи часто высказывались в более прогрессивных гостиных Петербурга и Москвы; в ранний либеральный период царствования Александра подобные дискуссии шли и внутри самого правительства.

Широко и открыто роптали и на то, что так много высоких постов в гражданской и военной администрации занимали иностранцы, главным образом немцы, — не только из балтийских провинций, давно бывшие русскими подданными, но и недавние приезжие, некоторые из которых даже не удосуживались как следует выучить язык новой родины. [Классическим примером был министр иностранных дел граф Карл Нессельроде, родившийся британским подданным; его отец был немцем, а мать — еврейкой.]

Но устав шёл дальше простых пожеланий и формулировал программу, явно отдававшую подрывной деятельностью. Союз спасения должен был значительно расширить своё членство и проникнуть в высшие круги армии и гражданской бюрократии. После смерти императора заговор должен был выйти наружу, и его участники отказались бы приносить присягу новому монарху, пока он не отменит самодержавие и не введёт систему национального представительства.

С точки зрения закона программа была, разумеется, подрывной; но по меркам XIX века она была не слишком революционной. Тогда Александру I было тридцать девять лет, он казался вполне здоровым, и заговорщики полагали, что им придётся ждать своего часа до среднего возраста.

Политически умеренные, по крайней мере поначалу, эти молодые люди по темпераменту были горячими. Неудивительно, что некоторых из них тяготило требование ждать двадцать или тридцать лет, пока исполнятся их мечты. Существовал очевидный способ сократить ожидание. Уже осенью 1816 года Михаил Лунин, самый порывистый из первоначальной группы, «друг Марса, Вакха и Венеры»², как назвал его Пушкин, предложил похитить и убить императора. Но товарищи единодушно отвергли эту идею, считая, что Россия ещё совсем не готова к

² Пушкин, Сочинения, V, с. 212.

революции. Кроме того, тайному обществу, состоявшему всего из четырнадцати человек, пришлось бы захватить власть после смерти государя.

По-видимому, это и впрямь было больше делом кларета и шампанского, чем серьёзным планом политического террора. У Лунина была и другая, более серьёзная сторона натуры: он отличался большой рыцарственностью и глубокими религиозными убеждениями. Поэтому почти невозможно представить его участником или организатором реального убийства.

То, что мысль о цареубийстве возникла у декабристов столь рано, свидетельствует о внутренней двойственности движения. Его члены, и вполне справедливо, считали себя прежде всего реформаторами, трезво смотревшими на русскую политическую действительность. Но эта умеренность сочеталась с определённым революционным нетерпением и тягой к насилию. Не одной лишь театральностью, унаследованной от масонских формул, объясняется мрачная статья устава Союза спасения: «Всякое предательство общества, разглашение его тайн, малейшая нескромность будут караться смертью. Ни один изменник не уйдёт от кинжала или яда».

Правильное понимание реального положения вещей в России подсказывало, что страна не готова к резким переменам, что потребуются время и терпеливая работа — проникновение в государственный аппарат и воспитание общественного мнения — чтобы подготовить её к свободным учреждениям. Но с другой стороны, дух эпохи, уже отчасти романтический и экзистенциальный, внушал мысль, что борьба между свободой и самодержавием не может завершиться политическим торгом и конституционными реформами, а решается лишь борьбой и актом воли.

Интеллектуально ведущие декабристы, как и большинство молодых русских аристократов, были воспитаны в рационалистическом духе XVIII века; их учили верить, что человек определяется средой, а прогресс зависит от мудрых учреждений и законов, дарованных просвещённым монархом или законодательным собранием. Но эмоционально молодые реформаторы всё более подпадали под чары романтизма; Байрон и Шиллер, которых в России читали с жадностью, прославляли врождённую мудрость и добродетели простого народа, рассказывали о вечной борьбе между свободой и тиранами и показывали, как героический поступок одного человека или горстки людей может резко изменить ход этой борьбы.

Поэтому неудивительно, что идея цареубийства продолжала манить и преследовать заговорщиков. Вновь она всплыла почти ровно через год после вспышки Лунина. Большинство декабристов тогда находилось в Москве, куда их полки сопровождали императора во время его продолжительного пребывания там. На одном из собраний Александр Муравьёв вслух прочёл письмо из Петербурга: один из членов сообщал сенсационную новость — будто бы он узнал из достоверных источников, что Александр собирается отделить от империи некоторые губернии и передать их полякам. [После Венского конгресса центральная часть прежней Речи Посполитой была преобразована в Польское королевство, которое навечно передавалось под скипетр русского царя. Александр обещал править им как

конституционный монарх и не раз намекал полякам, что когда-нибудь возвратит им провинции, которые Россия присоединила в результате разделов 1772 и 1793 годов.]

Заговорщики пришли в ярость. Достаточно было уже того, что Александр наносил удар русскому национальному самолюбию, даруя Польше конституцию; но упомянутые области, хотя среди помещиков там и преобладал польский элемент, по составу крестьянского большинства были преимущественно украинскими и белорусскими и, следовательно, по тогдашним понятиям, по существу русскими.

Много позднее Иван Якушкин вспоминал, что произошло после чтения письма с этим роковым известием.

Убедившись, что товарищи верят слуху и считают дальнейшее правление Александра губительным для страны, он заявил, что готов пожертвовать собственной жизнью, чтобы спасти Россию, и попытается убить императора. Другие потребовали, чтобы им позволили разделить риск и чтобы убийцу выбрали жребием из всех присутствующих, но Якушкин отказался, не желая подвергать их столь великой опасности.³

На другой день товарищи сообщили Якушкину, что слух оказался совершенно ложным. Однако молодой человек был так потрясён и тем, что его ввели в заблуждение, и тем, что ему не дали пожертвовать собой, что порвал с ними отношения и в течение трёх лет не хотел иметь ничего общего с тайным обществом.

Идея цареубийства чрезвычайно притягивала воображение заговорщиков; однако решиться на её осуществление они так и не смогли. Причины этого многое говорят не только о самих декабристах, но и вообще о русском революционном движении всего XIX века.

Увлечение политическим террором чаще всего отражает сознание собственной слабости и раздражение от очевидной невозможности добиться цели иными средствами. Так было и с декабристами. В конце концов они сумели привлечь на свою сторону сотни сочувствующих и единомышленников. Но даже тогда голые факты политики издевались над их мечтами и планами. Политическая власть и авторитет в России всецело покоились в руках императора.

В стране не существовало ничего, подобного французским Генеральным штатам 1789 года, переход которых на сторону реформ мог бы придать революции размах. Сенат — высший судебный и административный орган империи — и Государственный совет были всецело созданием царя и не обладали самостоятельным авторитетом. Не было и такого классового интереса, который можно было бы противопоставить самодержавию во имя политических перемен.

Если декабристы в каком-то смысле и представляли собой цвет своего сословия и офицерского корпуса, то всё же были лишь небольшой их частью, тогда как подавляющее большинство дворян держалось старого порядка и страшилось всяких перемен, которые могли бы затронуть их права над крепостными. Россия ещё не имела среднего класса в западном смысле слова.

³ Материалы по восстанию декабристов, III (Москва, 1927), с. 52.

Громадная масса крестьянства пребывала в невежестве и потому считалась невосприимчивой к политическим идеям. Отсутствие каких бы то ни было независимых источников власти прекрасно выражала фраза безумного императора Павла I, который на вопрос иностранного посла о том, кто из его министров особенно важен, ответил: «Тот, кто в данную минуту со мной разговаривает — и только пока разговаривает». Россия была не только самодержавным государством, но и обществом рабской покорности; именно эта покорность, хотя и порождала революционеров, делала их задачу почти безнадёжной.

Парадоксально, но при всей кажущейся неподвижности страны перед политическими переменами Россия была чрезвычайно уязвима для революционного насилия. Большинство правителей от смерти Петра Великого в 1725 году до вступления на престол Александра I в 1801 году возшли на престол в результате заговора, обычно совершённого горсткой придворных и офицеров гвардии. Несколько монархов были свергнуты силой; двое — Пётр III и Павел I — были убиты.

Но эта цепь насилия не меняла сущности монархии; новый правитель мог оказаться более либеральным и просвещённым, чем предшественник, но правил столь же самодержавно — непосредственно или через фаворитов.

Помимо дворцовых переворотов Россию потрясали народные бунты. Аполитичность низших слоёв не означала, что они всегда безучастно терпели строй, основанный на их эксплуатации. Их невежество и страдания время от времени позволяли самозванцу, выдававшему себя за недавно умершего царя, поднять народное восстание. Тогда по деревне прокатывалась волна анархии, по стране бродили вооружённые шайки, грабя и убивая без разбора, особенно помещиков и чиновников, пока восстание не удавалось подавить средствами порой не менее варварскими, чем сами мятежники.

Восстание Пугачёва 1773 года, возглавленное неграмотным казаком, выдававшим себя за Петра III, охватило огромные пространства Урала и нижнего Поволжья и было подавлено только крупной армией. Пушкин выразил чувство всякого образованного русского, написав о нём: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».⁴

Однако принципы и происхождение декабристов не позволяли им искать власти ни через дворцовый переворот, ни через поджог всегда готового к возгоранию материала — нищеты и страданий русской деревни. Переворот 14 декабря 1825 года действительно будет содержать в себе и элементы самозванства, и черты дворцовой революции, но сделан он будет слишком нерешительно, а потому с самого начала обречён.

Так что идея цареубийства при всей своей привлекательности в более трезвые минуты признавалась декабристами бесплодной: сама по себе она лишь заменяла бы одного самодержца другим. Царские чиновники, ведшие следствие, ухватились за предполагаемые планы убийства Александра I как за наиболее тяжкое из преступлений декабристов. Но в более

⁴ Пушкин, Сочинения, IV (1934), с. 803.

широкой перспективе видно, что всё это гораздо больше оставалось на уровне разговоров, чем действительно продуманного террористического замысла.

Если бы декабристы были настроены серьёзно, у них были бы бесчисленные случаи ударить по монарху. По крайней мере некоторые из них вращались в самых высших кругах, встречали Александра при дворе, на манёврах, в салонах. Большинству этих мятежников не доставало ни холодного цинизма придворных, совершавших прежние дворцовые перевороты, ни идеологического жара позднейших революционеров, убеждавшего их, что цель оправдывает любые средства, включая террор.

Когда Александр I вступил на престол, его окружала атмосфера огромных ожиданий. Молодой император, которому было двадцать три года, считался другом реформ и человеком, намеренным взяться за главные язвы русского общества. Действительно, первые годы его правления принесли отмену наиболее варварских форм телесных наказаний, попытки облегчить положение крепостных и серьёзную реорганизацию разросшейся и малоэффективной административной машины.

Многие надеялись, что это лишь преддверие более крупного шага — введения национального представительства по проекту способнейшего из министров, Михаила Сперанского, и последующей отмены крепостного права. Но в 1812 году Александр внезапно отправил Сперанского в отставку. После великой эпопеи национального сопротивления и победы над Наполеоном политика императора всё более принимала реакционный характер.

Во внешней политике он стал покровителем Священного союза — своеобразного профсоюза европейских абсолютных монархов, призванного сохранять легитимность, то есть их власть, и подавлять всякое народное посягательство на статус-кво. Во внутренних делах главным советником Александра после 1815 года стал Алексей Аракчеев — узкий, жестокий реакционер.

Система образования, которую император прежде расширял, учреждая новые университеты и школы, теперь была поставлена под жёсткий идейный надзор, направленный на искоренение прогрессивных идей и отголосков Французской революции. Для режима высшее образование стало — и останется на весь век — главным потенциальным источником подрывных идей и потому предметом постоянного подозрения. Впрочем, общественное образование ещё было столь ничтожным по размаху, что и в хорошем, и в плохом смысле мало влияло на жизнь страны. На школы государство тратило примерно пятую часть того, что уходило на содержание императорской семьи и двора. Вряд ли более двух или трёх процентов населения России Александра I можно было назвать грамотными.

Поворот императора к консерватизму сопровождался его всё большей религиозной озабоченностью. Его всегда привлекали мистические течения — от сектантских учений, осуждённых православной церковью, до протестантского пиетизма. Александр знал о заговоре против Павла I и санкционировал его; вполне вероятно, что со временем мысль о собственной, хотя бы косвенной, ответственности за смерть отца всё сильнее тяготила его.

Эта вина, а также другие личные и семейные горести, возможно, усилили склонность царя к духовным размышлениям и сделали его добычей обскурантов и мнимых святых, тогда как реальное управление внутренней политикой оказалось в руках реакционных бюрократов.

Но не одно религиозное смирение и не только личные переживания мешали Александру идти путём реформ. Его либеральные представления, усвоенные в юности из философии Просвещения, сталкивались с его глубоко самодержавной натурой. Герцен метко назовёт его впоследствии «венценосным Гамлетом».

Главная дилемма императора была той же, что и у многих русских правителей вплоть до настоящего времени: желая даровать стране свободные учреждения, они в какой-то момент отступали перед огромностью и кажущейся невозможностью задачи. Этот момент наступал обычно тогда, когда речь заходила об ослаблении или ограничении самодержавной власти. Само отсутствие свободных учреждений в России означало, что всякая серьёзная попытка освободить общество должна была быть прыжком в неизвестность, итогом которого мог стать не порядок конституционного правления, а анархия, взрыв накопившихся народных обид и стремлений, способный разрушить не только самодержавие, но и единство и величие русского государства.

Колебания Александра проистекали из того же источника, что и сомнения его заговорщиков-противников: и те и другие боялись нанести решающий удар по существующему порядку, потому что в действительности не представляли себе, как Россией можно управлять иначе. Самодержавие хорошо послужило русскому государству: под его эгидой империя выросла в мировую державу и распространилась на одну шестую часть суши. Среди её государей были и идиоты, и выдающиеся государственные деятели, и тираны, и гуманные реформаторы. Но при любом из них процесс расширения и завоеваний почти не прерывался. Самодержавие было ключом к национальному величию России и в то же время, в условиях нового времени, главным источником угнетения, отсталости и бедности её народа.

Как бы резко декабристы ни разделяли пушкинский приговор Александру — «властитель слабый и лукавый, плешивый щёголь, враг труда»⁵ — они не могли не учитывать того, что для подавляющего большинства их соотечественников Россия была немислима без самодержавного царя, а само понятие конституционализма — непостижимо. Сколь бы ни фантазировали они о цареубийстве и даже об истреблении всей царской семьи, они так и не смогли вполне отказаться от надежды, что император вернётся к реформаторскому пылу ранних лет и совершит то, чего они сами до конца не понимали как совершить: даст народу свободу.

Искренне или нет, Александр продолжал поощрять подобные надежды. В речи при открытии польского сейма 15 марта 1818 года он намекнул, что когда-нибудь может ввести

⁵ Пушкин, V, с. 209. Это было написано поэтом через несколько лет после смерти императора и отчасти отражало его личную обиду. В 1820 году Александр выслал его из столицы за несколько политически неосторожных стихотворений, широко ходивших по петербургским салонам.

представительные учреждения и в своих русских владениях⁶. Парадоксальный комплекс надежды и отчаяния у прогрессивных русских относительно государя хорошо виден и у Пушкина. В 1819 году он написал стихотворение против крепостничества, завершающееся строками о том, увидит ли он народ, освобождённый от гнёта, и крепостное право, поражённое рукой государя⁷. Александр, которому эти стихи были показаны, велел передать поэту свою благодарность за благородные чувства. Это, однако, не спасло Пушкина от ссылки несколько месяцев спустя за другие, менее лояльные стихи.

Сложность задачи преобразования России усугублялась ещё и тем, что находились люди, ясно видевшие зло самодержавия и крепостного права, но всё же считавшие оба института не только необходимыми потому, что страна ещё не готова к их уничтожению, но и соответствующими русскому национальному характеру.

Такие люди, как знаменитый историк Николай Карамзин, не были простыми реакционерами. Они соглашались, что конституционные системы могут хорошо действовать на Западе, но не в России. В своём историко-политическом сочинении, написанном в 1818 году и предназначенном лично императору, Карамзин критиковал реформаторские наклонности Александра и предостерегал его от всякого посягательства на принцип самодержавия. Если бы монарх пошёл на это, писал он, всякий патриот имел бы право сказать: «Государь! Ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями, Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти: иного не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить его»⁸.

Точно так же Карамзин считал опасным вмешиваться и в крепостное право. Освобождённые крестьяне, полагал он, предадутся пьянству и преступности⁹. При существующем порядке помещики, благодаря своей власти над крестьянами, помогают государству поддерживать мир и порядок. Одному государству не справиться с неизбежными беспорядками, которые последуют за освобождением. «Первая обязанность государя, — писал он, — блюсти внутреннюю и внешнюю целостность государства; благотворить состояниям и лицам есть уже вторая.»¹⁰.

Неизвестно, читал ли Александр когда-либо эту «Записку». Несомненно, в ней содержалось многое, что должно было быть для него крайне болезненно: например, весьма недвусмысленные упоминания о тирании и убийстве его отца, о распутной жизни бабки императора, Екатерины Великой, и тому подобное. Поэтому книга не могла быть

⁶ Николай К. Шильдер, Император Александр I (Санкт-Петербург, 1905), с. 344. Его речь по этому случаю была и расплывчатой, и не могла не задеть русское национальное самолюбие. Уровень образования, существовавший в Польше, позволял ему, говорил император, даровать ей конституцию. Хотя он уже давно имел в виду подобное благодеяние и «для других владений, вверенных его управлению Провидением», они пока ещё не были к нему вполне готовы.

⁷ Пушкин, Стихотворения, 1814–1825, I (Москва, 1934), с. 284.

⁸ А. Карамзин, Записка о древней и новой России, изд. Richard Pipes (Кембридж, Массачусетс, 1959), с. 43.

⁹ Карамзин, с. 73. Писатель не принимал во внимание того факта, что их нынешнее положение не уберегало их ни от того, ни от другого.

¹⁰ Карамзин, с. 74.

опубликована без купюр вплоть до времени после революции 1905 года. Русскому историку никогда не было легко писать правдиво о недавнем прошлом своей страны; в советский же период это стало бы еще труднее, даже если общее направление его труда было бы вполне прорежимным. Защищая самодержавие, Карамзин в то же время беспощадно отзывался почти обо всех прежних правителях России, и в его осуждении дворцовых переворотов заключалась невольная ирония. «Если некоторые вельможи, генералы, телохранители присвоят себе власть тайно губить монархов, или сменять их, что будет самодержавие? Игралищем олигархии, и должно скоро обратиться в безначалие, которое ужаснее самого злейшего властителя, подвергая опасности всех граждан, а тиран казнит только некоторых.»¹¹ Странная апология самодержавия, так близко подходящая к его обвинению. Но, быть может, это не так уж отличается от тех официальных восхвалений советской системы, в которых утверждалось, что лишь коммунизм смог преодолеть зло сталинского «культа личности».

За исключением горстки людей, о существовании этой «Записки» ничего не знали до 1836 года. Однако высказанные в ней идеи хорошо выражали то, во что твердо верил тогдашний русский консерватор и чего опасался его либеральный оппонент, хотя по большей части и не решался в этом признаться: история России и ее действительное состояние не давали больших надежд на свободу. Союз спасения был создан в порыве юношеского воодушевления. К 1818 году его участники стали немного старше и значительно мудрее. Они осознали всю огромную сложность задачи, которую поставили перед собой двумя годами ранее, и теперь стремились найти для своего дела более прочное основание.

В ходе совещаний членов общества в Москве в начале 1818 года было решено распустить старое тайное общество и сжечь его бумаги. Взамен декабристы создали новую организацию — Союз благоденствия. Преемственность между двумя союзами была весьма значительной: двадцать два из двадцати девяти учредителей нового общества состояли и в прежнем. Но Союз благоденствия должен был отказаться от явно заговорщического и политического характера своего предшественника. Были устранены квазимасонский язык и ритуалы. Вместо прежней клятвы с ее зловеще звучащими карами новый член должен был теперь лишь дать слово чести, что не выдаст тайн общества и не станет действовать против его интересов. В уставе Союза благоденствия, как утверждала формула, ничто не могло быть истолковано как неуважение к вере, патриотическим чувствам или общественным обязанностям русского человека.¹²

Устав союза был составлен комиссией из трех человек, одним из которых был Михаил Муравьев (будущий «Вешатель»), и смоделирован по образцу конституции «Тугендбунда» (Союза добродетели), организованного в Пруссии в 1808 году. «Тугендбунд», безусловно монархический по своим настроениям, стремился реформировать и модернизировать прусское общество с конечной целью сделать Германию способной сбросить французское владычество.

¹¹ Карамзин, с. 40.

¹² М. В. Нечкина, Движение декабристов, I (Москва, 1955), с. 204.

Следовательно, что касается декларации принципов, Союз благоденствия мог ссылаться на вполне почтенный и отнюдь не подрывной образец.

Но декабристы не отказались от своих революционных мечтаний ради того, чтобы сосредоточиться на просветительской и филантропической деятельности, как могло бы показаться при поверхностном чтении устава. Предлагаемая структура Союза благоденствия предусматривала внутреннюю группу, состоящую из его первоначальных учредителей, которая под названием Коренного союза должна была руководить делами всего тайного общества. Каждый член этого внутреннего круга должен был организовать местную ячейку численностью не менее десяти, но не более двадцати человек. Лишь после того как общая численность Союза благоденствия значительно возросла бы, члены, не принадлежавшие к числу основателей, могли бы быть избраны в Коренный союз и тем самым полностью посвящены в политику и планы организации. Затем Коренный союз декабристов выделил шестерых своих членов в качестве исполнительного органа, именуемого Коренным советом. Весь Союз благоденствия предполагалось строить по иерархическому и элитарному принципу, в виде пирамидальной структуры. Эта схема напоминает народнические заговорщические организации 1860-х и 1870-х годов и довольно близка к подпольным марксистским ячейкам в России до 1917 года. Очевидно, учредители намеревались, чтобы только ядро союза, то есть они сами, было посвящено в конечные политические цели тайного общества; новые члены должны были приобретать это знание лишь после периода идейной обработки. Таким образом, по крайней мере временно, существовал заговор внутри заговора: более широкая организация служила прикрытием для группы ветеранов старого Союза спасения, которые по-прежнему были полны решимости добиться коренных перемен в политическом и общественном строе России.

Учредители полагали, что те сотни и даже тысячи возможных сторонников, которые поначалу могли бы поколебаться, успокоятся, увидев неполитический и гуманитарный характер официальной программы союза. Поскольку дело происходило в России, правительство не могло и не захотело бы санкционировать публичную организацию такого масштаба; император ревниво оберегал не только свои прерогативы, но и притязание быть единственным благодетелем своего народа. Но если бы режим, как это было вполне вероятно, узнал о существовании Союза благоденствия, он не мог бы не одобрить его цели и усилия — хотя бы в частном порядке. Эти усилия должны были сосредоточиться в четырех главных областях.

Одной из них была филантропия. Люди, работавшие в этой сфере, должны были поддерживать, а также вступать в уже существующие организации, предназначенные для облегчения бедности, заботы о больных, улучшения участи заключенных и тому подобного. Особое внимание следовало уделять защите крестьян от алчных помещиков и вообще облегчению положения крепостных.

Члены союза, назначенные работать в сфере народного просвещения, должны были стремиться направлять и контролировать деятельность учебных заведений. Многие из ведущих декабристов воспитывались иностранными наставниками или учились за границей. И все же они твердо верили в национальную направленность образования. Молодежь

следовало прежде всего знакомить со своей собственной страной, учить гордиться национальным наследием и избегать подражания иностранным обычаям. Сфера народного просвещения включала и то, что сегодня мы назвали бы пропагандой и идеологическим воздействием. Союз благоденствия предполагал поддерживать журналы, газеты и книги, продвигающие его цели. Он намеревался навязывать обществу в целом свои нравственные и художественные стандарты. Литературу и искусство, как он полагал, следовало судить не столько по эстетическим критериям, сколько по степени, в какой они внушают общественно полезные идеи и патриотические чувства. «Сила и прелесть поэзии» должны состоять главным образом «в живости стиля и благопристойности языка и прежде всего в ее недвусмысленном утверждении высоких и самоотверженных начал». Или: «Недостойно поэзии брать предметом или изображать чувства, которые не укрепляют, а ослабляют стремление к нравственному добру».¹³

По иронии судьбы, эти предписания противников режима довольно близко подходили, даже по языку своему, к обоснованию, которым пользовался сам имперский режим, надзирающий за словесностью и художественной деятельностью. При всех прогрессивных и либеральных намерениях, стоявших за предлагаемыми ими нормами для искусства, моральная и патриотическая взыскательность декабристов заключала в себе нечто большее, чем просто намек на ту интеллектуальную нетерпимость, которая будет тяготеть над будущими поколениями русских революционеров и найдет свое наиболее полное выражение в коммунистической системе контроля над мыслью.

Третьей широкой целью предполагаемой деятельности были закон и порядок. Тем, кто был назначен работать в этой области, предписывалось следить за злоупотреблениями властей, разоблачать их и бороться с ними. Если они сами служили судьями (в России того времени не было ни профессиональных адвокатов, ни четкого разграничения между исполнительной и судебной ветвями власти), то должны были придерживаться самых строгих норм честности и добросовестности. Следовало вести энергичную пропаганду против чиновников, которые брали взятки, пренебрегали своими обязанностями, угнетали подчиненных и иным образом злоупотребляли властью. Короче говоря, эта часть Союза благоденствия ставила целью привить администрации суда и гражданского управления действенность и человечность, а также вселить страх Божий в коррумпированного и ленивого русского бюрократа. Тем самым союз брал на себя и задачу воспитывать общество в убеждении, что можно и должно добиваться от чиновников — от самых низших до самых высших — исполнения их обязанностей.

Четвертым крупным разделом деятельности союза было народное хозяйство. Для работы в этой области декабристы надеялись привлечь не только людей из соответствующих ведомств и помещиков, обладавших специальными познаниями в агрономии, но и представителей низших сословий — торговцев и ремесленников. Однако эта попытка расширить социальную базу тайного общества окончилась явной неудачей. Экономическая часть программы Союза благоденствия так и осталась в значительной мере в области добрых намерений. До

¹³ Цит. по: М. В. Довнар-Запольский, Тайное общество декабристов (Москва, 1906), с. 44.

промышленной революции России оставались еще десятилетия, а средний класс в западном смысле слова существовал лишь в зачатке. Но широту взглядов авторов программы подтверждает уже то, что в ней подчеркивалась необходимость содействовать развитию промышленности и торговли, улучшать пути сообщения и учреждать страховые компании. Бросается в глаза отсутствие какого-либо прямого упоминания об отмене крепостного права. Это соответствовало нарочитой умеренности публичной части программы Союза благоденствия.

И все же программа, известная как «Зеленая книга» по цвету обложки подлинного экземпляра, была нереалистична. Даже если численность Союза благоденствия исчислялась бы сотнями, он все равно оказался бы совершенно несоразмерен задачам, указанным в программе. Для достижения цели «Зеленой книги» — превращения декабристов в силу в русском обществе, соперничающую с самим правительством, — потребовались бы все ресурсы современной, хорошо организованной и дисциплинированной партии. Несмотря на все предусмотренные меры централизованного руководства Союзом благоденствия и его преемниками, их деятельность так и не была успешно скоординирована; до самого конца декабристы оставались скорее слабо связанной сетью отдельных ячеек, чем единой дисциплинированной организацией. Современная политическая партия, помимо прочего, есть продукт современной техники, и огромные расстояния России до телеграфа и железных дорог делали честолюбивые замыслы «Зеленой книги» совершенно непрактичными.

Но умеренная и внешне неброская программа Союза благоденствия не выражала всей полноты его целей. Существовала и другая, более тайная часть «Зеленой книги», известная лишь внутреннему ядру членов союза; в ней излагались политические задачи организации, подтверждавшие решимость тайного общества ввести представительные учреждения и уничтожить крепостное право.¹⁴ Общество также не было полностью привержено исключительно мирным средствам: оно не исключало возможности, что режим придется свергнуть силой.

По состоянию на 1818 год декабристы еще не решили, каким путем идти — путем революции или мирной реформы, заговора против правительства или сотрудничества с ним. Подобно тому как в их императоре было нечто гамлетовское, нечто гамлетовское было и в этом первом поколении русских революционеров. У первого либеральные убеждения сдерживались авторитарным темпераментом; у декабристов же революционная нетерпеливость уступала страху, что, ударив по ненавистной политической системе и ее воплощению — императору, — они могут повредить самой России. В конце концов, как провозглашал устав, конечная цель Союза благоденствия состояла в том, чтобы привести страну «к той степени величия и благоденствия, для коей она предназначена Создателем». Но вопрос заключался в том, может ли этому послужить междоусобная борьба, убийства и, быть может, гражданская война. Декабристы так и не смогли решиться нанести удар по Александру; а он сам, несмотря на частые донесения о деятельности тайных обществ, до самых последних дней своей жизни не помышлял о мерах против них. В 1821 году граф Илларион Васильчиков, тогда командир

¹⁴ Нечкина, I, с. 207–213.

Императорской гвардии, подробно донес императору о тайных обществах среди офицеров. «Дорогой Васильчиков, — ответил царь, — вы давно мне служите. Вам должно быть известно, что и я сам некогда разделял и поощрял подобные заблуждения и иллюзии. Не мне их наказывать».¹⁵ Такое отношение императора объяснялось не одним только фатализмом или чувством личной вины. Александр умел быстро предупреждать то, что считал реальной угрозой своей персоне или власти, и был весьма жесток к тем, кто ему противился. Но он знал декабристов и чувствовал, что они едва ли когда-нибудь сумеют перейти ту грань, которая отделяет подрывные разговоры от революционного действия. Непосредственной опасности не существовало, и со временем молодые ревнителы поймут, как понял он сам, что Россию невозможно сдвинуть с места и изменить ее вековые устои.

И действительно, за три года своего существования Союз благоденствия не приблизился даже к достижению тех целей, которые сам себе поставил. Он рос численно, однако часть старших членов отошла — либо по причине перемены убеждений, как Александр Муравьев, все более погружавшийся в религию, либо из осторожности: было ясно, что правительство осведомлено об их деятельности. Возникли новые отделения в Петербурге, Москве и в нескольких гарнизонных городах, особенно в Тульчине, где Павел Пестель, все более признаваемый главным умом общества, служил при штабе Второй армии. Но совокупный итог деятельности общества был довольно скромным. Коренной союз, как и отдельные отделения, собирались на заседания, обсуждали плачевное состояние страны, спорили и ссорились о том, каким должен быть политический строй России после крушения самодержавия, а затем неизменно поднимали и оставляли без ответа роковой и пока неразрешимый вопрос: когда и как?

Почти никакого продвижения не было достигнуто и в осуществлении честолюбивого плана «Зеленой книги» — сделать тайное общество влиятельной силой в важнейших сферах национальной жизни. Декабристы поддерживали некоторые литературные и экономические общества и кружки для дискуссий; они обличали и сочиняли злобные стихи против главных столпов официальной реакции, прежде всего против Аракчеева; подвергали критике такие исторические и литературные оправдания самодержавия, как знаменитая «История государства Российского» Карамзина. Но все это далеко не дотягивало до первоначальной цели: создания и направления общественного мнения в подлинном смысле слова. Либерализм, который пропагандировал Союз благоденствия, мог приобрести лишь статус одной из нескольких модных идей среди высших сословий. Но он не стал мощной силой, способной навязывать правительству политику или своими собственными усилиями продвигать желательные реформы и установки.

Некоторые результаты, поистине микроскопические в сравнении с масштабом задачи, появились в области просветительской деятельности Союза благоденствия. Должны были пройти еще десятилетия, прежде чем прогрессивные помещики начали бы организовывать и содержать на собственные средства школы для своих крестьян и прежде чем возник бы быстрый рост воскресных школ для городских низов. Пока сохранялось крепостное право, распространение грамотности в массовом порядке было бы непрактичным, а возможно, и

¹⁵ Шильдер, с. 430.

жестоким делом; кроме того, по меньшей мере сомнительно, чтобы правительство санкционировало подобный замысел.

То немногое, что можно было сделать в этом направлении, приняло форму так называемых ланкастерских школ — идеи, заимствованной из Британии. В этих школах более подготовленные ученики обучали начинающих. Декабристы помогли организовать и вести Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения, разрешенное правительством в 1819 году и открывшее ланкастерские школы для детей бедняков. Разумеется, этот метод можно было применять и в обучении взрослых, особенно для уменьшения ужасающей неграмотности среди солдат. И неудивительно, что по крайней мере один из декабристов очень скоро понял, какой пропагандистский потенциал заключен в этой системе обучения.

Из-за событий его дальнейшей жизни граф Михаил Орлов обычно не числится среди вождей декабристов, но он, несомненно, был одной из наиболее выдающихся фигур среди них. Состояние его семьи было создано дядей — одним из прежних официальных фаворитов Екатерины Великой, — который вместе со своими братьями помог ей захватить престол. Орлов снискал большое отличие в войнах с Наполеоном — и на поле боя, и как искусный дипломат и переговорщик. Именно он сыграл важную роль в заключении капитуляции Парижа в 1814 году. Генерал-майор в двадцать шесть лет, любимец императора, он, казалось, был предназначен для блестящей карьеры. Но Орлов не был создан для роли придворного, и сама его близость к Александру оказалась роковой для его дальнейшего возвышения. Он открыто высказал императору свое несогласие с дарованием конституции Польше, считая эту меру оскорбительной для русского национального достоинства и интересов. Затем независимый офицер стал продвигать петицию ряда помещиков с просьбой к царю отменить или хотя бы реформировать крепостное право. Александр холодно ответил представителю просителей, что забота о благе его подданных — его дело, а не их. Орлов, впав в немилость, был удален от центра и получил последовательно ряд провинциальных назначений: сперва в Киев, а затем еще дальше от столицы — в бессарабскую глушь, в Кишинев.

Потерпев неудачу в попытках влиять на императора, молодой аристократ стал одним из основателей Союза благоденствия и одним из наиболее деятельных распространителей его идей. И в Киеве, и в Кишиневе он организовывал ланкастерские школы для солдат, число учеников в которых исчислялось сотнями. Приняв командование пехотной дивизией, Орлов объявил, что не потерпит несправедливого обращения с солдатами, и сдержал свое слово. Офицеры, обвиненные в злоупотреблении властью или чрезмерной суровости к подчиненным, по его приказу привлекались к военному суду. Еще более необычным для русской армии того времени было то, что Орлов поощрял солдат доносить о проступках начальства.

Человеком, которому он поручил надзор за просветительной деятельностью в дивизии, был другой член Союза благоденствия — Владимир Раевский. Именно ему принадлежит право называться «первым декабристом», то есть первым из членов тайного общества, кто был привлечен к ответственности и осужден за подрывную деятельность задолго до самого восстания. Раевский был арестован в феврале 1822 года, и следствие установило, что он

использовал свое положение для распространения среди солдат-учеников конституционных и уравнилельных идей. Нет никакого сомнения, что делал он это с ведома и поощрения Орлова, однако придворные связи последнего уберегли молодого генерала от участи, постигшей Раевского. (Раевского держали в тюрьме, а затем сослали в Сибирь.) Но в 1823 году дивизию у Орлова отобрали, и хотя его формально оставили в армии, нового командования ему уже не дали.

Дело Орлова — Раевского осталось единственным случаем вплоть до рокового дня 14 декабря 1825 года, когда декабристы прибегли к сколько-нибудь масштабной агитации среди нижних чинов армии. И сама исключительность этой попытки лишь подтверждает правоту пушкинской мысли о том, что декабристам недоставало решимости настоящего революционера — той уверенности в себе и той страсти, которые убеждают заговорщика: цель должна оправдывать любые средства.

Итак, схема, выдвинутая Союзом благоденствия, его намерение добиться революционных перемен посредством постепенной тактики, не могла сработать в условиях авторитарного общества. Само чувство, их патриотизм, превративший их в заговорщиков, сдерживало декабристов как революционеров. Они не могли, преследуя свои цели, искать власть, разжигая солдатские и крестьянские восстания и ввергая любимую страну в гражданскую войну и анархию.

Будь они настроены иначе, возможностей воспользоваться нарастающим социальным напряжением было бы у заговорщиков бесчисленное множество. Одной из самых болезненных язв русской жизни были так называемые военные поселения — затея, принадлежавшая Александру I, хотя ее и связывали, несколько несправедливо, с Аракчеевым, которому император поручил ведать ими. В теории этот план казался и гуманным, и разумным. Военные поселения представляли собой сельские общины, где взрослые мужчины совмещали земледельческий труд с военной службой. Предполагалось, что сами солдаты-крестьяне оценят очевидные преимущества системы: оставаясь в мундире, они, за исключением военного времени, не отрывались от семей и деревень. Строгий надзор и дисциплина должны были обеспечить большую производительность труда и более здоровый и упорядоченный быт, чем в обычной деревне. Короче говоря, поселения должны были послужить примером для всей остальной сельской России, а солдаты-земледельцы — содержать себя сами, тем самым уменьшая громадные расходы на армию.

Но, как и многие замыслы социальной инженерии, этот, будучи соблазнительным в теории, на практике оказался губительным. Если не считать владений самых жестоких помещиков, крестьяне, даже будучи несвободными, все же сохраняли некоторую долю частной жизни, совершенно исчезавшую при режиме военных поселений, где даже семейные отношения подчинялись инструкциям и правилам. Поэтому, несмотря на все предполагаемые преимущества, обитатели поселений скоро почувствовали, что живут при особенно отвратительной форме рабства, сочетавшей худшие черты и крепостничества, и солдатчины. Многие деревни подавали прошения о возвращении к нормальной крестьянской жизни, но их мольбы оставались тщетными. Доведенные до отчаяния солдаты-крестьяне подняли ряд

бунтов и мятежей, которые пришлось подавлять регулярной армии. Упрямство Александра только обострилось: он будет проводить свою идею и добьется повиновения, даже если для этого понадобится массовая резня поселенцев. Такова была реакция императора на одно из подобных выступлений. Один из декабристов позднее писал об этом злосчастном опыте: «Насильственное введение так называемых военных поселений было встречено изумлением и враждой... знает ли история что-либо подобное этому внезапному захвату целых деревень... этому занятию домов мирных земледельцев, отнятию всего, что они и их предки нажили трудом, и их насильственному превращению в солдат?»¹⁶ Но, как бы ни сочувствовали декабристы страданиям несчастных поселенцев, они как группа остались и не желающими, и не способными ни помочь их делу, ни использовать положение в своих целях.

Еще более характерным свидетельством неспособности декабристов перейти от революционных разговоров и планов к революционным действиям было их полное бездействие во время волнений в Семеновском гвардейском полку. Этот инцидент, произошедший осенью 1820 года, обычно описывают как мятеж, но поскольку он не сопровождался насилием, протест нижних чинов полка по существу носил скорее характер стачки.

Современному читателю трудно понять, почему бунты не были частым явлением в русской армии того времени. Солдата брали в рекруты на двадцать пять лет; малейшее нарушение дисциплины, ошибка в строю или осанке, неверное движение во время бесконечных парадов и учений могло закончиться поркой. Обычным делом было, что офицеры дополняли свое скудное жалованье, присваивая часть средств, отпускавшихся на содержание солдат. И все же в огромном большинстве случаев русский солдат переносил тяготы и унижения повседневного существования с той покорностью и смирением, которые унаследовал от поколений своих крестьянских предков.

В элитном корпусе Семеновского гвардейского полка условия были несколько лучше. Здесь офицеры обычно стояли гораздо выше — и нравственно, и умственно, — чем в линейной армии, о чем свидетельствует уже число декабристов в их среде. Нижние чины ожидали, что с ними будут обращаться человечнее, и в целом так и было. Срок службы у них был немного меньше — всего двадцать три года; отличившихся ветеранов, как предполагалось, не подвергали телесным наказаниям; довольно многие из солдат умели читать и писать. Насколько вообще это было возможно в сословном обществе и армии, между нижними чинами и их начальством существовало известное чувство полкового товарищества и солидарности.

Именно поэтому в Семеновском полку с негодованием встретили назначение командиром постороннего человека — полковника Шварца. Он был ставленником всемогущего Аракчеева, давно полагавшего, что полку нужна твердая рука ввиду слишком мягкого обращения офицеров с солдатами и некоторых досадных промахов на плацу. [И Александр, и оба его брата — будущий император Николай I и великий князь Михаил — питали чрезмерную

¹⁶ Барон Владимир Штейнгель, цит. по: А. Бороздин, Письма и показания декабристов (Санкт-Петербург, 1906), с. 62.

страсть к военным смотрам и строевым учениям. Поэтому физическая годность солдата и его боевой дух считались делом второстепенным по сравнению с его слепым повиновением, умением содержать мундир и снаряжение в безупречной чистоте и стройно сливаться со своим подразделением во время сложных манёвров на плацу.] Потомок немцев, Шварц говорил по-русски с ошибками, что в сочетании с чудовищными манерами возмущало офицерское собрание. К тому же новый командир, подобно своему покровителю Аракчееву, был садистом, беспрестанно выдумывавшим для солдат новые придирки и наказания. Вскоре несколько офицеров подали прошения об отставке или переводе, а среди нижних чинов начались случаи дезертирства — явление, прежде неслыханное в этом гордом полку. Непосредственным поводом к кризису стало особенно жестокое действие Шварца. Гвардейский мундир шился с расчетом скорее на внешний эффект, чем на удобство или боевые условия: китель стягивал туловище словно тисками, а брюки были столь узки, что напоминали балетное трико. Поэтому одевание превращалось в мучительную и долгую процедуру. Заметив одного рядового с несколькими расстегнутыми пуговицами, разгневанный полковник ударил его, а затем, вытащив виновного перед строем, приказал каждому солдату плюнуть ему в лицо. На следующий день солдаты роты отказались выйти на полевые занятия, и вскоре их примеру последовали другие подразделения. На несанкционированных сходках увещевания офицеров вернуться к службе встречались криками, что лучше умереть, чем служить под началом Шварца. В конце концов весь батальон, где произошло выступление, заключили в крепость, а остальной полк вывели из столицы. Началось брожение и в других гвардейских полках, и гарнизон Петербурга был приведен в боевую готовность.

Известие о волнениях застало императора на Западе, где он участвовал в дипломатической конференции. Он был одновременно возмущен и испуган. Семеновский полк, почетным шефом которого был он сам, был его любимым полком. Должно быть, он вспомнил, какую роль играла гвардия в прежних дворцовых переворотах, включая тот, что привел к власти его самого. Ему, вероятно, виделись зловещие параллели с тогдашними революционными движениями в Италии и Испании, где произошел военный переворот. Меттерниху, находившемуся рядом, Александр признался в уверенности, что за всеми этими беспорядками должна стоять некая международная революционная организация. Три тысячи русских солдат, с детства приученных к повиновению, не могли взбунтоваться без внешнего тлетворного влияния и подстрекательства.

По нынешним меркам все происшествие было довольно скромным: ни физического насилия, ни настоящего сопротивления; после шумных протестов виновные покорно позволили отвести себя в тюрьму. Но император потребовал и добился суровых наказаний. Весь состав опозоренного полка был рассеян по частям регулярной армии; офицеров и солдат, подавляющее большинство которых не участвовало в протесте, перевели в другие места службы и, сверх того, лишили права на отпуска. Лиц, объявленных зачинщиками беспорядков, ожидали драконовские кары: девять солдат получили по шесть тысяч ударов кнутом, сотни других были отправлены на опасную службу в Сибирь и на Кавказский фронт. Трое офицеров, признанных виновными в сочувствии протестующим, были разжалованы и заключены в тюрьму. Шварц — истинный виновник случившегося — хотя и был приговорен к смерти за

трусость (во время волнений он прятался), по ходатайству Аракчеева не только был помилован, но и получил командование другим полком.

Пассивность Союза благоденствия в деле Семеновского полка была тем более поразительна, что в ту пору в полку служили несколько его членов, в том числе и будущий руководитель южного восстания Сергей Муравьев. И все же ни один из них не оказался связан с этими волнениями, а Муравьев, напротив, сделал все возможное, чтобы убедить солдат своей роты не ввязываться в беспорядки.

Но с этого времени спокойствие Александра в отношении тайной деятельности среди офицерства сменилось настороженностью и тревогой. Он разрешил использовать в армии политических осведомителей и распорядился установить особое наблюдение за солдатами, обучавшимися в школах ланкастерского типа. В мае 1821 года весь гвардейский корпус был выведен из Петербурга на маневры в Белоруссию и вернулся в столицу лишь следующим летом. К тому времени революционные движения в Испании и Италии были уже подавлены. В 1822 году последовал императорский рескрипт о роспуске масонских лож и о повторном подтверждении запрета на все тайные общества. К тому времени и Союз благоденствия уже перестал существовать.

Её распад был вызван не только осознанием того, что правительство посвящено в её деятельность, но и признанием того факта, что сама концепция союза была нереалистичной.

Союз пытался одновременно следовать двум параллельным, но не обязательно совместимым программам. Он надеялся, что, хотя его программа реформ и была незаконной с точки зрения закона, правительство будет её терпеть, если не содействовать ей. Тем не менее члены внутреннего ядра тайного общества не отказывались от революции на случай, если представится подходящий момент. Если бы правительство и далее терпимо относилось к деятельности союза, о которой оно неизбежно должно было и действительно узнало, то заветным и совершенно утопическим ожиданием его основателей было то, что через двадцать лет русское общество самой инерцией реформ избавится и от самодержавного строя, и от крепостничества. Но эта шизофреническая природа заговора — революционеры, замышляющие свержение самодержавия, или реформаторы, приходящие на помощь режиму, — очевидно, не могла существовать долго. Многие декабристы теряли терпение. В январе 1820 года высшее руководство движения, Основной совет союза вместе с несколькими другими членами, собралось в Петербурге; главным пунктом повестки было обсуждение сравнительных преимуществ монархической и республиканской форм правления. Пестель горячо выступил в пользу республиканской конституции, и его красноречие взяло верх. Все присутствовавшие проголосовали за республику. Лишь впоследствии некоторые из них, поразмыслив о последствиях такого шага — а это было недвусмысленным обязательством встать на путь революции, — порвали свои связи с тайным обществом. Хотя, быть может, это был ещё один замысел, рождённый «между кларетом и шампанским», принятое решение, доведённое до сведения всех членов, означало разрыв со всей постепеннической философией «Зелёной книги». А после Семёновской истории правительство уже не намеревалось и далее снисходительно относиться к не столь уж тайному обществу.

Таким образом, перед ведущими декабристами, когда они в начале 1821 года собрались в Москве, чтобы решить вопрос о дальнейшем ходе движения, стояли две альтернативы: революция или роспуск. Один из них, Иван Якушкин, впоследствии писал: «Союз благоденствия был, как нам казалось, в летаргии. По самому своему устройству он был слишком ограничен в своей деятельности».¹⁷

Доводы в пользу революции привёл Михаил Орлов. Он предложил, чтобы общество готовилось к осуществлению вооружённого государственного переворота. Первым шагом должно было стать развёртывание подпольной печати для выпуска революционных прокламаций и поддельных денег. Но для его товарищей по совещанию это было слишком радикально. Получив отпор, Орлов объявил, что покидает общество. Тогда конференция постановила распустить Союз благоденствия. Но это должно было стать лишь уловкой, предназначенной для того, чтобы обмануть правительство, которое, как присутствующие понимали, уже имело своих агентов внутри общества. Заговор должен был продолжаться под иным обличьем, и его цель отныне должна была быть ясно революционной: введение представительных учреждений силой.

Однако итоги этой московской конференции, в том виде, в каком их представляют советские историки на основании довольно скудных и нередко запутанных данных, несколько упрощены.¹⁸ Ошибка здесь в том, что этим итогам придаётся слишком отчётливый и чрезмерно окончательный характер, тогда как на деле это были довольно хаотичные и не вполне завершённые обсуждения. Советский историк склонен рассматривать декабристов сквозь призму истории Коммунистической партии. Но эти люди были неопытны и неискусны в революционном ремесле, представляя собой политически неоднородное собрание личностей, а не идеологически однородную партию. Поэтому, быть может, здесь уместнее говорить не об идеологиях и решениях, а о настроениях и побуждениях. Как впоследствии показал Пестель перед комиссией, расследовавшей восстание 14 декабря: «С самого начала тайного общества ни одно из его правил последовательно не соблюдалось в течение всей его деятельности... весьма часто то, что было решено в одно время, на другой же день снова ставилось под вопрос и обсуждалось... Всё зависело от обстоятельств».¹⁹

Формальный роспуск Союза благоденствия предназначался для того, чтобы ввести в заблуждение не только правительство и его агентов внутри тайного общества. Московские совещавшиеся считали желательным также избавить движение и от таких людей, как Пестель, которого подозревали в диктаторских амбициях и который к тому времени уже твёрдо стоял за республику, и от тех, кто был слишком консервативен и не желал прибегать к насильственным средствам для свержения самодержавного строя. Людей обеих этих категорий не следовало уведомлять о том, что заговор продолжает существовать. Но эта попытка чистки потерпела крушение с самого начала. Пестель, как и следовало ожидать, просто отказался подчиниться московскому решению и, вместо того чтобы прекратить

¹⁷ Записки, статьи, письма (Москва, 1951), с. 35.

¹⁸ Напр., Нечкина, I, с. 304–333.

¹⁹ Материалы, IV, с. 102.

деятельность, усилил свою заговорщическую активность. Силой своей личности он сумел увлечь за собой большинство декабристов на юге.

Так, умирая, Союз благоденствия породил не одно, а два новых тайных общества: Северное общество, сосредоточенное в Петербурге и первоначально возглавляемое Николаем Тургеневым, высокопоставленным чиновником Министерства финансов, который председательствовал на московской конференции, и капитаном Никитой Муравьевым; и Южное общество, в котором господствовал Пестель. Комедию с роспуском заговора пришлось прекратить, и обе ветви декабристов продолжали поддерживать между собой связи. В отличие от их общего предшественника, Союза благоденствия, оба тайных общества уже явно были посвящены свержению самодержавного строя, хотя и расходились во мнениях относительно того, что должно прийти ему на смену. Северяне стояли за конституционную монархию, Пестель же и его сторонники были твёрдыми поборниками республики.

Раз они теперь окончательно отказались от мечты изменить Россию мирным путём, то, казалось бы, обе декабристские группы логически должны были приступить к разработке конкретных планов революционного действия. Однако этого не произошло. Как и с самого начала движения, проблема захвата политической власти продолжала ставить декабристов в тупик. Первый шаг казался очевидным: нужно было захватить царя и заставить его согласиться на конституцию или же избавиться от него. Обсуждение среди декабристов того, как это сделать, носило трагикомический характер, свидетельствуя о том, что психологически они были неспособны совершить это деяние. Кто должен был схватить и сторожить Александра? Русский солдат мог при самом крайнем раздражении восстать против своего командира, но даже в Семёновской истории никто не поднял руки на ненавистного полковника. Можно ли было тогда представить себе, что какой-нибудь офицер-заговорщик сумеет убедить своих солдат схватить и физически удерживать «священную особу императора», как его именовали солдаты каждое воскресенье в литургии православной церкви? Часто выдвигались предложения похитить Александра во время одних из ежегодных полевых манёвров, на которых он присутствовал, но неизменно случалось нечто такое, что убеждало заговорщиков воздержаться и отложить действие до следующего года.

Неизбежно многие декабристы, особенно на юге, вновь обращались к более радикальному решению: убийству. Но убийство Александра не уничтожало автоматически монархию и не обеспечивало конституции. Некоторые северяне питали замыслы заменить его на троне его супругой, императрицей Елизаветой. Но было фантастично полагать, что эта мечтательная и болезненная немецкая принцесса, хотя уже давно отчуждённая от мужа, либо согласится, либо окажется способной последовать примеру Екатерины Великой.

В своих показаниях перед царскими следователями некоторые декабристы позднее сообщили, что Пестель рассматривал и ещё более радикальный способ решения проблемы: поголовное истребление императорской семьи. Он настаивал, что должны быть убиты не только Александр, но и все мыслимые наследники престола, включая женщин и детей. И несомненно, что со своей роковой манерой, призванной одновременно производить впечатление и держать товарищей в недоумении, Пестель временами давал им понять, что он собирается или уже

собрал команду убийц, каждый из которых готов отдать собственную жизнь ради того, чтобы убить одного из Романовых, причём число жертв должно было быть не меньше тринадцати. В собственном своём показании несчастный настаивал, что всё это было лишь разговором: «Я никогда к этому [массовому убийству] не был привержен. Всякий беспристрастный человек, хоть немного меня знающий, признает, что я не был бы способен на подобное дело. От слов до дела очень далеко».²⁰ Всё, что он имел в виду, — это то, что после переворота императорскую семью следовало отправить за границу. Братья императора были непопулярны в гвардии, следовательно, они не могли бы представлять опасности для республиканского режима. А ни одно иностранное правительство не осмелилось бы вмешаться для восстановления монархии в России: оно побоялось бы спровоцировать революции у себя дома.

Трудно решить, что в действительности было у Пестеля на уме, когда он разворачивал свои террористические замыслы. Как человек умный, он должен был понимать, что массовые убийства скомпрометируют всё революционное предприятие. Это был ещё не 1918 год, когда императорскую семью можно было уничтожить целиком, не вызвав особого волнения среди народа, ожесточённого четырьмя годами внешней и гражданской войны. В 1820-е годы это было бы невозможно. Перед глазами у декабристов, должно быть, стоял пример якобинцев, потерпевших поражение именно из-за отвращения, которое вызвал массовый террор Французской революции. Это была Россия, а не Франция. Но в Пестеле была и доктринёрская жилка, и нетрудно поверить, что, будь у него случай, он одобрил бы террористические средства.

Хотя их революционная решимость окрепла, декабристы в 1821–1825 годах продвинулись к своей цели весьма мало. В отличие от большинства тех, кому впоследствии удастся предпринять попытку освободить русский народ, они не мыслили революцию как непрерывный процесс. Всё должно было зависеть от одного-единственного события. И до наступления этого рокового дня тайное общество не должно было слишком бросаться в глаза. Отсюда — сдержанность заговорщиков в вопросе о пропаганде среди масс и их боязнь устраивать публичные демонстрации. Они сознательно отказывались от тех средств, посредством которых современное радикальное движение, с одной стороны, стремится подорвать самоуверенность и престиж режима, а с другой — сохранить собственный моральный дух и динамику. Были исключения, как в случае Раевского. Но там инициатива пропаганды среди солдат исходила от отдельного лица, а не от заговора в целом. И судьба Раевского неизбежно должна была отвалить от подобных попыток.

Не желая и/или не умея вести революционную агитацию среди масс, декабристы всё же много думали о том, каким образом можно достичь ума простого человека и подорвать его якобы слепое доверие к царю. Никита Муравьёв полагал, что сделать это следует, ударив по религиозным основаниям политического повиновения. Среди бумаг Муравьёва после его ареста был найден краткий катехизисоподобный документ: «Любопытный разговор». Это самый ранний пример того типа пропаганды, который впоследствии получит широкое распространение в руках следующего революционного поколения — народников. Здесь

²⁰ Материалы, IV, с. 159.

религиозные доводы и исторические примеры используются для обоснования дела свободы и против самодержавия:

«Бог даровал человеку свободу... Должны ли все люди быть свободны? Да, без сомнения. Все ли люди свободны? Нет, малая часть из них поработила остальных... [потому что] первые несправедливо возжелали властвовать, тогда как вторые низко смирились с утратой естественных человеческих прав, дарованных Самим Богом... Следует установить правила или законы, как это было встарь... [когда] не было самовластных государей... Монарх шаг за шагом узурпировал абсолютную власть, прибегая ко всевозможным обманам».

Документ подчёркивает, насколько уникальна и зловеща русская самодержавная система.

«Есть ли абсолютные владыки в других странах? Нет, везде самодержавие считается глупым и незаконным, везде существуют твёрдые правила или законы. Самодержавие не может терпеть постоянных законов. Оно питается беззаконием и постоянной [произвольной] переменой. [Хотя по отношению к старомодному самодержавию это суждение Муравьёва и не вполне справедливо, оно предвосхищает ту беспокойную, вечно движущуюся природу современного тоталитаризма.] Сегодня монарх пожелает одного, завтра — другого. Он мало печётся о нашем благе, отсюда и пословица: “Близ царя — близ смерти”».²¹

Старая Русь, утверждает документ, обладала представительными учреждениями. Её князья избирались свободно и подчинялись народным собраниям. Именно татарское иго вселило в народ рабскую покорность и заставило его забыть свои древние права.

Брошюра Муравьёва, по-видимому, была образцом той пропагандистской техники, которую декабристы рассчитывали использовать среди своих солдат после того, как революционный набат прозвучит. Подобный катехизис, составленный Сергеем Муравьёвым-Апостолом, был прочитан солдатам Черниговского полка после того, как тот поднялся на мятеж в январе 1826 года. На декабристов явно повлиял пример испанских партизан в их войне национального освобождения против Наполеона. С помощью католических священников они использовали сходный религиозный мотив, поднимая народ на борьбу с французами. Но одно дело — мобилизовать национальные и религиозные чувства против иностранного захватчика, и совсем другое — пытаться успешно использовать их, когда врагом является собственное правительство, а человек, против которого ты выступаешь, согласно учению твоей церкви, есть помазанник Божий.

Таким образом, распуск Союза благоденствия мало что сделал для того, чтобы придать новый импульс заговору. Но сами заговорщики чувствовали иначе. Теперь они окончательно приняли революционное решение. Они были заняты вербовкой новых членов и составлением законодательства для послереволюционной России.

В отличие от большинства революционеров, которые редко утруждают себя разработкой подробного чертежа своих утопий, декабристы вложили огромное количество времени и сил

²¹ Материалы, I, с. 32

в составление и обсуждение конституционных проектов. Отчасти это, несомненно, отражало сохранявшиеся у заговорщиков колебания и внутренние сомнения относительно того, следует ли и как именно приступить к самому перевороту. Но была и другая, более веская причина. Они были достаточно идеалистами — или мечтателями, — чтобы отвергнуть мысль о стремлении к власти ради самой власти. Им нужно было доказать самим себе и миру, что их цель — подлинно новый общественный и политический порядок, который обеспечит России свободу и величие. Пропитанные романтическим духом, мятежники были также детьми эпохи, верившей, что человек формируется своей средой, что тайна индивидуального и коллективного счастья заключена в мудрых и гуманных законах. Интеллектуалы среди декабристов глубоко впитали сочинения Монтескьё, Дестюта де Траси и Адама Смита и изучали английские законы и Конституцию Соединённых Штатов. Само слово «конституция» внушало многим мысль о некоем чудодейственном проекте, который сам по себе мог бы спасти Россию от обычных мук политического переворота и открыть эру свободы и процветания. То, что декабристы якобы уже владели этой магической формулой, было сильным козырем в пользу заговора. Вербуя новых членов для Южного общества, Бестужев-Рюмин постоянно и довольно бесцеремонно эксплуатировал конституционную тему. Он беззастенчиво уверял будущих неопитов, что ещё в 1816 году тайное общество сформулировало будущие основные законы, и этот проект будто бы тогда был показан и одобрен ведущими западными философами и законодателями:²² «Наша конституция навсегда обеспечит народу свободу и благоденствие».²³ Разумеется, такие доводы могли убеждать лишь очень молодых и наивных, и Бестужев, совершенно нехарактерно для декабристов, был весьма безответствен в своей пропагандистской деятельности. Но и самые трезвомыслящие и утончённые из заговорщиков полагали, что прежде чем разрушать старое, они должны ясно и окончательно изложить на бумаге проект нового.

«Опыт всех народов и всех времён доказал, что самодержавная власть имеет пагубные последствия как для правителей, так и для управляемых. Она противна учению нашей святой веры и предписаниям здравого смысла».²⁴ Так начиналась преамбула к проекту конституции Никиты Муравьёва. Первоначально составленная им в 1821 году, она впоследствии подвергалась нескольким изменениям, призванным учесть критику со стороны его товарищей-декабристов. Но в основе своей она осталась неизменной и выражала господствующую политическую ориентацию в среде членов Северного общества.

Всякая другая европейская страна, утверждает Муравьёв в своей преамбуле, уже достигла или находится на пути к достижению свободы под властью закона (значительное преувеличение, если говорить о Европе 1820-х годов). Русские, гордо заявляет он, более достойны конституционных свобод, чем какой бы то ни было другой народ. Но этот всплеск национальной гордости умеряется историческим реализмом, проявляющимся в его рассуждении о наиболее подходящей форме правления для России. Малое государство, пишет он, часто становится добычей агрессора. Большое же, напротив, склонно угнетать не только

²² Материалы, XIII (1975), с. 218.

²³ Цит. по: И. И. Горбачевский, Записки и письма (Москва, 1963), с. 23.

²⁴ Текст конституции в: Материалы, I (1923), с. 109–132.

своих малых соседей, но и собственный народ. «Обширные пространства и огромная постоянная армия сами по себе суть препятствия к свободе». Именно из-за своих огромных размеров, подразумевает Муравьёв, Россия стала одновременно и империалистической, и самодержавной. Но националист в нём не может принять логического вывода о том, что империя должна в таком случае извергнуть из себя свои завоевания и нерусские земли. Поэтому он выбирает федеративную систему как такую, которая примиряет «величие государства с гражданской свободой».

Наряду с федерализмом автор является горячим сторонником разделения властей. И в самом деле, документ несёт на себе сильный отпечаток Конституции Соединённых Штатов, особенно в том, что касается механики его федерального устройства. Хотя монархическая форма и сохраняется по имени, Россия Муравьёва была бы по существу увенчанной короной республикой. «Русский народ свободен и независим. Он не может быть принадлежностью какого-либо лица или семейства. Народ есть источник верховной власти. И ему одному принадлежит право постановлять основные законы». Император у Муравьёва, хотя и наследственный и наделённый огромным доходом, по объёму своих полномочий моделируется по образцу президента Соединённых Штатов. Он — главнокомандующий, но не может объявлять войну или заключать мир без согласия законодательной власти. Он ведёт внешние дела, но договоры должны утверждаться Верховной думой, соответствующей американскому сенату. Судьи и высшие должностные лица могут быть преданы суду большинством в две трети голосов Палаты представителей. Затем они подлежат отстранению Верховной думой, но судимы должны быть в обычном суде. Даже внутри исполнительной власти полномочия императора ограничены, и в отношении законов он располагает лишь отлагательным вето. Самая пикантная деталь состоит в том, что царю отказывается в праве, которым пользуется самый смиренный из подданных: ему запрещено выезжать за границу. Нетрудно представить себе, какие чувства должен был испытать Николай I, читая это положение мятежной конституции.

Защита федерализма Муравьёвым не найдёт отклика ни в одном значительном политическом движении России вплоть до XX века. Империя должна была быть разделена на четырнадцать держав и две области, каждая — со своим законодательным (двухпалатным) и исполнительным органом. Хотя автор и был федералистом, он не предлагал национальной автономии для нерусских этнических групп, хотя некоторые национальные и территориальные деления и совпадали. Существовали Украинская и Кавказская державы. Но как для большинства их соотечественников, так и для самих декабристов, малороссы, как тогда называли украинцев, не были отдельной нацией в большей степени, чем донские казаки, которым была отведена особая область, а их язык считался лишь местным крестьянским наречием.

Северное общество, которое было возмущено готовностью Пестеля даровать Польше независимость, разумеется, не собиралось санкционировать ничего, что могло бы подорвать единство и величие России. И всё же, парадоксальным образом, в отличие от конституционного проекта Пестеля, этот проект не был проникнут русским шовинизмом и,

вероятно, невольно открывал дверь национальной автономии для таких крупных этнических групп, как украинцы и грузины.

Выбор Муравьёвым столицы для своей славянской Русской империи был хорошим доказательством его пламенного русского чувства. Петербург уже самым своим именем навевал мысль о чужеземном влиянии и связывался в народном сознании с авторитарным бюрократическим правительством, созданным Петром Великим. Москва напоминала о монгольском владычестве над страной и о деспотической узурпации власти её великими князьями. Поэтому новой столицей должен был стать Нижний Новгород, колыбель современной русской нации. В 1612 году, когда Россия была охвачена анархией, народ Нижнего Новгорода организовал войско, освободившее страну от иностранных захватчиков и внутренних смутьянов. Инициатива этого национального возрождения исходила не от какого-нибудь дворянина, а от местного мясника. Отсюда и историческая уместность этого волжского города как местопребывания правительства новой России.

«Все россияне равны перед законом». И всё же конституция совершенно ясно показывала, что одни должны были быть «равнее» других. Хотя она уничтожала бы все сословные различия и делала бы каждого русского свободным в выборе любой профессии, хартия Муравьёва устанавливала очень строгие имущественные цензы для избирательного права и занятия должностей. Чтобы считаться гражданином, нужно было иметь не менее пятисот рублей или движимое имущество стоимостью не менее тысячи; больше — если человек хотел участвовать в выборах на различные должности; ещё больше — если он хотел быть избранным на них. Чтобы стать членом федеральной Верховной думы, следовало быть поистине очень богатым человеком, владеющим имением, приносящим сто двадцать тысяч рублей годового дохода, или движимым имуществом вдвое большей стоимости. Во второй редакции своего проекта Муравьёв отказался от имущественных требований для гражданства и снизил цензы для занятия различных государственных и федеральных должностей. Но и тогда его Россией правили бы богатые.

Столь же неудовлетворительным с эгалитарной точки зрения было его предложение относительно крестьян. Крепостное право подлежало уничтожению, но частновладельческие крестьяне должны были быть освобождены без земли, которая сохранялась за их прежними хозяевами. [Военные поселения подлежали упразднению, а их жители при освобождении должны были получить землю, как и крестьяне императорских имений]. И здесь более либеральные члены Северного общества оказали давление на автора, и во второй редакции Муравьёв смягчил свою земельную реформу: крестьянин получал бы право собственности на своё жилище и приусадебный участок.

Нетрудно критиковать предложения Муравьёва как отражающие классовую точку зрения, тем более что он сам происходил из одной из самых богатых помещичьих семей страны. Но в то время в Европе не было ни одного государства, придерживавшегося принципа всеобщего мужского избирательного права. Даже в Соединённых Штатах большинство штатов всё ещё сохраняли имущественные цензы. Даже самый радикальный демократ колебался бы перед тем, чтобы вверить политическую власть подавляюще неграмотной крестьянской массе.

(Проект Муравьёва предусматривал, что через двадцать лет после его принятия конституция потребует грамотности как условия гражданства.) Если бы Муравьёв и большинство других декабристов руководствовались узким классовым интересом, они вообще не примкнули бы к революционному движению. Вопрос о крестьянской земле будет мучить русских государственных деятелей и реформаторов весь остаток столетия. И если Муравьёв решал его в соответствии с принципом, провозглашённым в его конституции, — «право собственности священно и неприкосновенно», — то не потому, что был ограничен «классово», как любят говорить советские историки, когда хотят покритиковать социальные и экономические взгляды декабристов, а потому, что очень немногие образованные русские тогда ещё могли представить себе иное решение проклятого вопроса о крепостничестве.

Эгалитарная и демократическая риторика проекта Муравьёва явно вступает в противоречие с предписываемой им по существу олигархической политической системой. Но ведь и вообще не многие политические доктрины и конституционные документы оказываются вполне последовательными. Последовательность не является ключом к политическому успеху. Более того, если что и делает эту конституцию не вполне утопической применительно к условиям России 1820-х годов, так это именно её недоктринёрский характер и признание того факта, что русский народ должен быть подготовлен к осуществлению политической ответственности, а не внезапно поставлен перед нею. То, что отличает проект Муравьёва от проекта Пестеля, — это его глубоко либеральная направленность. Он чужд национальной и религиозной нетерпимости Пестеля и гораздо более заботится о свободах гражданина. В отличие от идеолога Южного общества, Муравьёв не распространяется подробно о необходимости и устройстве тайной полиции. Он предлагает суд присяжных и *habeas corpus* и является непримиримым сторонником свободы слова и печати. Борясь против угнетательного и нетерпимого строя, многие русские революционеры в конечном счёте проявляли именно такие свойства и в собственной мысли, и в своих предписаниях для будущего страны; Никита Муравьёв был одним из немногих, кто этого не делал.

Того же нельзя сказать о Пестеле. Если национализм Муравьёва был смягчён либерализмом, то Пестель, который был немецкого происхождения, лютеранин по вере и провёл свои формирующие годы в Саксонии, был воплощённым русским националистом. Трудно приписать ему, как и его товарищам-декабристам, какую-либо последовательную идеологию. Но удобным обозначением для общего комплекса его политических идей было бы национал-социализм, если отвлечь это слово от новейших исторических коннотаций. Радикализм в социальных вопросах соединялся у Пестеля с агрессивным националистическим духом, и поражает, насколько в некоторых отношениях он предвосхищал ментальность советского коммунизма.

До широкого употребления термина «социализм» оставалось ещё несколько лет. И всё же, описывая свои политические взгляды следственной комиссии, Пестель воспользовался формулой, весьма сходной с марксовым определением классовой борьбы: «Мне казалось, что главная политическая тенденция нашего века есть борьба между массами народа и всякого

рода Аристократиями, основанными ли на богатстве или на наследственности».²⁵ Та же тема часто появляется в писаниях Пестеля, и именно этим, конечно, во многом объясняется его популярность у советских авторов. Такова, например, его критика буржуазного конституционализма: «...во многих государствах, имеющих представительные учреждения, право голоса принадлежит богатым, тогда как большинство граждан исключено. Таким образом аристократия богатства просто заменила феодальную, а народ в некоторых отношениях оказался политически даже в худшем положении, чем прежде, ибо поставлен в насильственную зависимость от плутократии».²⁶ Но было бы грубым упрощением видеть в Пестеле «преждевременного марксиста» или социалиста в современном смысле слова. Он не был экономическим эгалитаристом. «Богатые всегда будут существовать, и весьма полезно, чтобы они существовали».²⁷ Но, совершенно необычно для своего времени и общества, он хотел полностью отделить политическую власть и права от каких бы то ни было критериев богатства и собственности. Все сословные различия должны были быть уничтожены, все должны были быть равны перед законом. В России Пестеля должна была существовать аристократия — но аристократия заслуг; людей следовало возводить в дворянство за выдающиеся услуги государству и обществу.

Как ни радикален он был в социальных и политических вопросах, Пестелю трудно было предложить прямое решение чрезвычайно сложной крестьянско-земельной проблемы. Первая редакция его конституционного проекта предписывала постепенную отмену крепостного права в течение десяти-пятнадцати лет. Что касается частновладельческих крестьян, то подробности их освобождения и земельных наделов должны были быть выработаны комитетами помещиков, исходя из принципа, что «освобождение крестьян от крепостного состояния не должно лишать дворянство доходов с поместий».²⁸ Причина этого, на первый взгляд столь несообразного его эгалитарным посылкам, решения становится понятной из другого наставления Пестеля: «Эмансипация не должна быть допущена к тому, чтобы повести к бунтам и беспорядкам, и потому Верховная власть должна употреблять самые строгие меры против тех, кто угрожает порядку и спокойствию». Никакое социальное или политическое благо не должно было быть позволено ценой ущерба безопасности и единству Русского государства. Социальный реформатор в Пестеле был подчинён националисту.

Во второй редакции своего проекта, написанной в 1824–1825 годах, вождь Южного общества, по-видимому, двинулся к более радикальному решению. Крепостные теперь должны были быть освобождены немедленно, а их наделы должны были отрезаться от помещичьих имений, причём наиболее богатые из владельцев обязаны были безвозмездно уступить половину своей земли. Чтобы ещё более запутать дело, в обеих редакциях своего конституционного проекта Пестель выступал за то, что можно было бы назвать полунационализацией земли. Вся сельскохозяйственная территория страны должна была быть разделена на две части: одна половина должна была принадлежать уезду (низшей территориальной единице государства).

²⁵ Материалы, IV, с. 92.

²⁶ Материалы, VII (1958), с. 189.

²⁷ Материалы, VII, с. 189.

²⁸ Материалы, VII, с. 174.

Эта земля должна была раздаваться отдельным земледельцам, которым не позволялось бы ни продавать, ни сдавать в аренду, ни завещать свою долю. Другая половина земли страны могла находиться в частной собственности без каких-либо ограничений. Но основная мысль здесь прямо противоположна той, что лежит в основе обычного социалистического отрицания частной собственности. Каждый должен быть собственником. Всякий русский, желающий этого, имел право требовать земельный надел в своей общине, достаточный для содержания семьи из пяти человек. И, разумеется, те, кто был в состоянии, всегда могли купить и свободно распоряжаться землёй, оставленной для частного владения. Участок земли, становившийся долей каждого русского, должен был, как надеялся Пестель, не только дать нечто вроде социальной гарантии и устранить нищету, но и создать узы общественной солидарности, поскольку каждому взрослому гражданину гарантировалось, что «где бы он ни был и [каким бы ремеслом или занятием] ни искал своего счастья... он всегда мог бы найти убежище и пропитание в своей политической семье — уезде».²⁹

Подход Пестеля к крестьянско-земельному вопросу был, по меркам того времени, весьма революционным. Его взгляды нередко были непоследовательны и обнаруживали весьма слабое осознание огромных технических, политических и экономических трудностей, сопровождающих всякое решение этой проблемы — проблемы, которая будет ставить в тупик всех: правительства, реформаторов и революционеров — вплоть до конца царской эпохи и которая, в сущности, не исчезла и у советского правительства наших дней. Частная собственность, утверждает он, священна, и в то же время у самых богатых должна быть экспроприрована половина имущества. Деятельность каждого владельца надела как земледельца должна пересматриваться в конце каждого года, и, если он признаётся некомпетентным, его участок должен был возвращаться уезду — положения, обнаруживающие непонимание Пестелем технической стороны земледелия. Крестьянская община и её место в новом порядке вещей им вовсе не были рассмотрены.

Зато в подходе Пестеля к государственно-национальному вопросу нет никакой двусмысленности. «Россия есть одно государство нераздельное». Его страсть к русификации идёт дальше всего, к чему когда-либо стремились и цари, и Сталин. В государстве должна существовать только одна русская нация, а все прочие этнические группы подлежали ассимиляции. Даже сами названия «украинцы» и «белорусы» должны быть запрещены, поскольку «нет подлинных различий между различными подразделениями основного русского народа, а те малые, какие существуют, должны быть устранены».³⁰ Нерусские славянские и неславянские народы должны были подвергнуться тому же, хотя и более постепенному, ассимиляционному процессу. Наиболее категоричны предписания в отношении народов Кавказа. «Их надлежит разделить на категории: мирных и буйных; первых оставить на родине, но устроить по русскому образцу; вторых насильно переселить во внутренние области»³¹, то есть, предположительно, в Сибирь или Среднюю Азию. Жестокость этой рекомендации невольно напоминает печально известное наказание, которому Сталин

²⁹ Материалы, VII, с. 185.

³⁰ Материалы, VII, с. 139.

³¹ Материалы, VII, с. 144.

подверг в 1944 году якобы нелояльные кавказские народы, оторвав их от родных земель и массово депортировав в Казахстан. Русские колонисты должны были быть поселяемы на территориях, населённых другими этническими группами, чтобы укрепить процесс ассимиляции и единство государства. Ещё одно — и неприятное — сходство со сталинскими методами и ментальностью заключается в том, что все эти жестокие и шовинистические меры оправдываются именем прогресса и цивилизации. Будучи лютеранином, Пестель не испытывал ни малейших угрызений, настаивая, чтобы все церкви допускались лишь при условии отказа от подчинения какой бы то ни было иностранной власти, что, разумеется, означало бы изгнание из страны всего римско-католического и греко-католического духовенства и монашеских орденов.

После всего этого неудивительно обнаружить, что этот декабрист был ярко выраженным антисемитом. Иудейская «религия учит их покорять и властвовать над всеми другими народами... заставляет презирать прочие народы»³². Они избегают физического труда, стремятся монополизировать всякую профессию, в которую проникают, развращают общественную нравственность подкупом чиновников и так далее, в привычном уже наборе обвинений. Послереволюционное правительство должно было бы принять какие-то меры, чтобы положить конец антиобщественному и антихристианскому поведению евреев, хотя Пестель, быть может, милосердно не уточняет, каковы именно должны быть эти меры. Но один предварительный план, который он всё же выдвигает, состоит в том, чтобы собрать все два миллиона евреев из западных губерний и Польши и вытеснить их за турецкую границу, позволив им обосноваться в собственном государстве где-нибудь в Азии. [В то время лишь очень немногим евреям было дозволено проживать в самой России.] Но, увы, замечает Пестель, этот план сопряжён с практическими трудностями и потребовал бы «особенных обстоятельств и гениальной изобретательности». Подавляющая масса евреев империи тогда жила в крайней бедности, и, в отличие от Запада со времён Французской революции, никакого движения за устранение их юридических и гражданских ограничений в России не существовало. И всё же, по Пестелю, даже та небольшая терпимость, которую царское правительство проявляло к евреям, уже зашла слишком далеко: «Они пользуются большими правами, чем христиане», — бесстыдно заявляет он. Его антисемитизм носит явно религиозный, а не расовый характер. Обращённого в христианство еврея он не исключил бы из своей национальной общности, и в самом деле среди декабристов был один такой человек.

На первый взгляд может показаться удивительным, что этот яростный националист и ксенофоб был готов даровать Польше независимость и, к ужасу своих товарищей-декабристов, уступить ей часть русских (фактически преимущественно белорусских) земель, а именно части Виленской и Минской губерний, принадлежавших прежде Польско-Литовскому государству. Но при ближайшем рассмотрении эта независимость оказывается весьма ограниченной, если принять во внимание условия, которые Пестель ставит своему предложению. Польша должна была быть связана с Россией вечным союзом. Её политический и общественный строй должен был быть тождествен строю её могущественной соседки.

³² Материалы, VII, с. 146.

«Россия берёт Польшу под своё покровительство и гарантирует её существование и безопасность»³³. Короче говоря, это тот тип опеки, который СССР осуществляет сегодня над своими восточноевропейскими сателлитами, в том числе над Польшей.

Неудивительно и то, что Пестель был сторонником имперской экспансии. Многие из его территориальных целей были фактически достигнуты Россией позднее в этом же столетии: завершение кавказских завоеваний, Средняя Азия, Дальний Восток, где в 1860 году Муравьёв присоединит у Китая область вокруг нынешнего Владивостока. И, разумеется, на Россию возлагалась обязанность освободить в основном православное и славянское население из-под турецкого ига. Россия Пестеля, даже в большей степени, чем Россия царя, была бы государством воинственным и агрессивным. [Как ни странно, единственной подлинной уступкой, на которой он настаивал, была Аляска: её он предлагал попросту отпустить.]

Наиболее отчётливо авторитарный элемент, таящийся во многих революционерах, проявляется в рассуждениях Пестеля о тайной полиции. Этому посвящена особая глава его «Записок о государственном правлении», написанных до его главных конституционных проектов и, вероятно, уже в 1818 году. С оттенком поистине оруэлловским он называет тайную полицию «Ведомством высшего порядка благодеяния». «Тайное расследование, или шпионство, не только допустимо и законно, но есть самое надёжное, можно сказать единственное средство, посредством которого власть может достигать своих целей»³⁴. Поэтому деятельность этого ведомства порядка не должна была подлежать контролю со стороны судов. Оно должно было действовать в глубочайшей тайне, так что никто, кроме его собственных чиновников, не должен был даже знать о его существовании. В число его обязанностей входили: (1) надзор за другими ветвями правительства; (2) слежка за частными лицами, чтобы на ранней стадии выявлять всякое подрывное движение, тайные общества и незаконные собрания; (3) сбор сведений об иностранных посланниках и вообще об иностранцах. Чиновниками тайной полиции должны были быть люди высоких умственных и нравственных качеств. А чтобы привлечь таких людей, пишет Пестель с невольным юмором, им следовало платить гораздо больше, чем остальным государственным служащим, и гарантировать им анонимность. Если бы их занятие стало известно согражданам, это подорвало бы не только их эффективность, но и их репутацию!³⁵

Подобно якобинцам Французской революции, Пестель не видел никакого противоречия между демократией и политической нетерпимостью и репрессией. В его России не должно было быть места политическим партиям и вообще никаким объединениям, не санкционированным правительством. «Все частные общества... должны быть строжайше запрещены, будь они явные или тайные, ибо первые бесполезны, а вторые вредны».³⁶ И в нём было немало пуританства. «Развлечения и игры всякого рода, частные ли, общественные ли,

³³ Материалы, VII, с. 149.

³⁴ Материалы, VII, с. 230.

³⁵ Материалы, VII, с. 230.

³⁶ Материалы, VII, с. 204.

дозволительны лишь постольку, поскольку они не противоречат самой строгой нравственности».³⁷

Россия Пестеля — это государство благосостояния. Его сироты, неимущие и увечные должны были содержаться общиной, точнее — соответствующими уездами, либо в специальных учреждениях, либо посредством пособий. Всесоюзная сеть банков должна была предоставлять беспроцентный кредит до определённой суммы всякому, кто в нём нуждался. В каждом уезде должен был быть такой банк, капитал которого составлялся бы за счёт взносов всех граждан. Население каждого уезда должно было составлять от пяти до тридцати тысяч человек, что делало эту схему довольно нереалистичной для сельской России, большая часть населения которой жила почти на грани физического существования. Россия должна была иметь, как сказали бы мы сегодня, смешанную экономику. Государство должно было поощрять частное предпринимательство и содействовать изобретениям, промышленности и частному банковскому делу.

Свою предлагаемую конституцию Пестель озаглавил «Русская Правда». Ни одна из её двух редакций не слишком определённо говорит о фактической структуре правительства. К 1822 году, когда он писал первый вариант, Пестель уже был убеждённым республиканцем и отвергал идею имущественного ценза для избирательного права. В 1825 году он набросал краткий документ под названием «Наказ Государственному Завету». Здесь он предписывал вполне демократическое устройство. Законодательная власть должна была принадлежать всенародно избираемому Народному вечу, одна пятая состава которого подлежала ежегодному обновлению. Должно было существовать нечто вроде коллективного президента — Державная дума из пяти членов, также избираемых всенародно на пять лет, причём каждый из них по очереди становился бы главой государства. Державная дума осуществляла бы большинство обычных функций исполнительной власти. Кроме того, должен был существовать Верховный собор, состоящий из 120 членов, избираемых пожизненно, который не обладал бы собственными законодательными или исполнительными полномочиями (за исключением назначения главнокомандующего в военное время), но наблюдал бы за конституционностью и исполнением законов.

Пестель был неутомимым писателем, и среди его сохранившихся бумаг имеются заметки, фрагменты трактатов и наброски на самые разнообразные темы: военное дело, экономика, судопроизводство, наука, хозяйство. В нём была педантическая жилка. Нигде это не видно так ясно, как в его навязчивом стремлении изгнать иностранные термины из военной лексики и заменить их словами русского звучания, будь то заимствованными из московского прошлого или созданными им самим славянскими неологизмами. Подобная же щепетильность заставляла его осуждать купирование хвостов у лошадей, которое, по его мнению, должно быть запрещено, поскольку пришло из Англии и уродует красоту русского коня. При всём том что существующая форма русского солдата действительно была неудобной, всё же странно, что он находил время среди своих заговорщических и конституционных занятий для того, чтобы подробно набрасывать будущую одежду пехотинца (стесняющий тело мундир и тесные

³⁷ Материалы, VII, с. 207.

белые штаны до колен он заменил бы длинной рубахой и свободными зелёными шароварами, как у воина древности).

Но как бы забавно это ни выглядело, страсть Пестеля к подробностям и регламентации вовсе не малозначительна и не случайна для его мышления. На одном уровне он искал для своей любимой страны того, что считал свободой, господством закона и демократией. Но в действительности, подобно некоторым французским якобинцам, он бессознательно нащупывал то, что сегодня было бы названо тоталитарным обществом. Не только его безмерный национализм неизбежно делал бы его Россию более угнетательной (во всяком случае для нерусского), чем Россия царей. Его гражданин находился бы под постоянным наблюдением, наставлением и регламентацией. Те, кто отклонялся бы от предписанного им чрезвычайно узкого пути гражданской добродетели, не могли бы рассчитывать на снисхождение: «...если найдутся такие недостойные сыны Отечества, то [власти] должны будут принять против них решительные меры, дабы укротить их дикое поведение и сделать их неспособными вредить Отечеству, употребляя к тому самые скорые и беспощадные строгости».³⁸ В первом политическом мыслителе и теоретике среди декабристов уже можно обнаружить многое из той лихорадочной склонности к насилию и принуждению, которая отметит путь русского революционного движения.

Неудивительно, что взгляды Пестеля одновременно и притягивали, и отталкивали его товарищей-заговорщиков. Трудно судить, в какой мере он сам выражен в своих сочинениях. Даже Пестель не был свободен от тех внутренних сомнений и противоречивых побуждений, которые поражали и его собратьев-декабристов, — от чувства, что всё их революционное заговорничество и писание происходят как бы в иной плоскости реальности, нежели та, в которой они фактически жили как офицеры и верноподданные императора. До своего обращения в республиканство Пестель принадлежал к тем, кто ещё надеялся, что царя можно убедить снова стать реформатором и освободить страну от зол крепостничества и абсолютизма. Александр, хотя и был осведомлён о подозрительных связях и взглядах Пестеля, всё же продолжал ценить его как блестящего офицера и военного мыслителя. В Тульчине, где он служил при штабе Второй армии, Пестель сблизился с её начальником штаба генералом Павлом Киселёвым, будущим министром Николая I и одним из немногих просвещённых и реформаторски настроенных чиновников эпохи мрачной реакции. Генерал-адъютант (один из главных флигель-адъютантов царя), Киселёв принадлежал к числу тех сановников времён Александра, которые также поддерживали личные связи с некоторыми будущими мятежниками, и почти нет сомнения, что он по крайней мере догадывался о том, чем они занимаются.

В 1821 году наконец сочли желательным отстранить Пестеля от штабной службы, и он был назначен командиром Вятского полка, считавшегося тогда одним из самых плохо устроенных и беспорядочных во всей армии. Двадцатисемилетний полковник вскоре довёл своё подразделение до такого уровня исправности и боевой готовности, что Александр I, увидев его на манёврах, признал полк равным гвардии. Но ради установления дисциплины Пестель

³⁸ Материалы, VII, с. 160.

проявил себя беспощадным: солдат его секли за малейшую провинность или неумелость на учении.

Одновременно строевой педант, карьерист и идеалист, этот странный человек пользовался широкой репутацией, особенно среди декабристов северной ветви, как человек, питающий диктаторские замыслы. Конечно, в своём конституционном проекте он подходит настолько близко, насколько это вообще было возможно в то время, к идее народного суверенитета, и в его России не было бы даже единоличного главы государства, а существовало бы коллективное председательство из пяти лиц. Но тут был подвох. «Русская Правда» в его понимании не должна была вводиться немедленно после революции. Её подзаголовок провозглашал её «Наказом Народу и Временному Верховному Правительству». Последнее же должно было быть диктатурой и продолжаться около десяти лет. Излагая в 1824 году свои идеи некоторым членам Северного общества, которое он хотел слить с Южным, то есть под своим руководством, Пестель выражался вполне определённо:

«Принцип конституционных проектов должен быть известен только руководителям Общества и не должен быть [широко] распространён... Руководители должны сперва уничтожить членов императорской фамилии и принудить Святейший Синод и Сенат провозгласить их временным правительством, которое получит неограниченную власть... Временное правительство, распределив между членами общества министерства, военные начальства и т. д., будет затем постепенно, в течение нескольких лет, вводить новый порядок. Всё это время общество будет продолжать существовать и принимать новых членов, и никто, кроме члена общества, не сможет занимать [высокую] гражданскую или военную должность».³⁹

Таким образом, перед нами проект однопартийной диктатуры, и весьма сомнительно, насколько по-настоящему «временным» предполагалось это устройство.

В частных разговорах Пестель часто выражал своё восхищение Наполеоном и, по крайней мере время от времени, мыслил себя диктатором. Его ближайшие сотрудники в Южном обществе по большей части находились под его обаянием. Он энергично обхаживал северных декабристов, стараясь подорвать там влияние Никиты Муравьёва, который после переворота предполагал созыв учредительного собрания для принятия конституции. Пестель считал Муравьёва главным препятствием — и политическим, и личным — своим замыслам. Его подход нередко был весьма неискренним. Как свидетельствовал Рылеев, северный декабрист:

«Помню, как Пестель старался меня выкурить. В продолжение двух часов разговора он поочерёдно бывал то поклонником Соединённых Штатов, то Наполеона, то сторонником террора, то приверженцем английской конституции... но спустя некоторое время он согласился со мной, что английская система устарела; современный уровень просвещения народов требует более прогрессивных учреждений и большей свободы... но если уж нам нужен диктатор, то пусть он будет вроде Наполеона. До каких высот он поднял Францию».⁴⁰

³⁹ Материалы, I, с. 324.

⁴⁰ Материалы, I, с. 178.

Влияние Пестеля на южных декабристов основывалось не только на его личном обаянии, о котором говорил, в частности, Пушкин, но и на той атмосфере самоуверенности и таинственности, которая его окружала и которая так часто является важной составляющей в создании политического вождя. Хотя по меркам времени он был хорошо образован, его сподвижники в большинстве своём были политически неискушёнными и, если не считать их заговорщической деятельности, беспечны в традиционной манере молодых офицеров и аристократов. На их фоне выделялся человек, который, казалось, жил исключительно ради дела и который, помимо того что был блестящим военным администратором, обладал даром законодателя и политического философа. Но в Северном обществе были такие люди, как Никита Муравьёв и Николай Тургенев, — интеллектуально равные Пестелю и не принимающие его идей, прозревавшие его макиавеллизм. Получив отпор в своих усилиях захватить руководство всем движением, Пестель стал жертвой сомнений и колебаний. Ему приходила мысль, что, быть может, будущая конституция России должна была бы стать сплавом его собственного проекта с проектом Муравьёва. Но трудно представить, как мог бы быть достигнут компромисс между столь диаметрально противоположными философиями. Что до него самого, то Пестель намекнул одному другу, что после революции удалится в монастырь.⁴¹ И опять — парадоксальная мысль, выдающая смятённый ум: лютеранин, становящийся православным монахом. Но это было не просто позой, о чём свидетельствуют письма Пестеля к семье в 1825 году. Его мысли всё больше обращались к религии, и после пятилетнего перерыва он исповедался и причастился. После ареста он показал: «Полностью и откровенно признав свои либеральные и радикальные идеи, я должен прибавить, что в течение 1825 года власть их надо мною ослабела, и я начал смотреть на вещи иначе, но было уже поздно поворачивать назад».⁴²

По мере приближения катастрофы 14 декабря 1825 года два главных теоретика и движущих духа заговора пали духом. Никита Муравьёв за несколько недель до роковой даты удалился в имение своей жены. Пестеля охватило нечто вроде апатии. «Писание “Русской Правды” уже не шло так легко, как прежде. От меня требовали, чтобы я спешил, но дело просто не ладилось, и в течение целого года я не мог прибавить к ней ничего нового... Я ещё иногда возбуждался в разговорах, но ненадолго, и это было уже не то, что прежде».⁴³

Ход событий, хотя и совершенно не так, как ожидали их участники, двигался к мрачной развязке драмы декабристов. В 1823–1825 годах было немало разговоров о захвате императора и либо принуждении его к дарованию конституции, как того предпочитало большинство северян, либо избавлении от него, что, по крайней мере внешне, составляло позицию Пестеля и его сторонников на юге. Конституционный спор внутри тайного общества мог лишь ещё более затруднить разработку какого-либо конкретного плана действий. Поэтому, хотя в 1825 году было окончательно решено захватить Александра во время его ожидаемого присутствия на осенних манёврах Третьего армейского корпуса в 1826 году, маловероятно, чтобы, останься он жив, заговорщики нашли бы достаточно решимости или средств для осуществления своего

⁴¹ Материалы, IV, с. 160.

⁴² Материалы, IV, с. 92.

⁴³ Материалы, IV, с. 92.

плана. Как признал Пестель: «Я твёрдо уверен, что если бы император Александр Павлович продолжал жить, то при всём развитии тайного общества революция не началась бы до его естественной смерти».⁴⁴ Как бы то ни было, план предусматривал убийство императора, после чего Третий корпус, возглавляемый декабристами, должен был двинуться на Киев и Москву. Ожидалось, что к нему присоединятся и другие войска. На севере революционные заговорщики должны были захватить столицу, отправить других членов императорской семьи за границу и принудить Сенат издать манифест, узаконивающий новый режим. Пестель, вероятно, был прав, когда, рассказывая об этом царским следователям, подчёркивал полную нереальность замысла: «Если рассматривать этот план в сопоставлении со средствами Южного общества... можно ясно увидеть, что он [план] не имел ни малейшего шанса на успех. Он лишь отражал нашу опрометчивость и нетерпение, которые по мере приближения времени исполнения, несомненно, уступили бы место рассудку».⁴⁵ Вполне вероятно, что уничижительные замечания Пестеля были сделаны с целью уменьшить свою вину в глазах царских судей. Однако имеются и свидетельства того, что практически накануне роковых событий вождь Южного общества действительно становился всё более нерешительным и колеблющимся. Он признался одному сообщнику, что подумывал отправиться к императору, во всём признаться и умолять его провести необходимые реформы.

Тем временем обречённый заговор расширял сферу своей деятельности. Некоторое время Южное общество поддерживало связи с подпольной польской организацией, добивавшейся полной независимости Польши. В январе 1825 года Пестель и князь Сергей Волконский встретились с её эмиссарами, чтобы выяснить, можно ли выработать общий план действий. Обе стороны, что весьма характерно, старались произвести друг на друга впечатление тем, что из снисходительности можно назвать приукрашиванием истины относительно своих ресурсов и связей. Поляки дали понять, что они не только поддерживают отношения с революционными организациями в главных европейских странах, но и что «английское правительство имеет связи с польской тайной организацией и снабжает её деньгами, обещая также доставить оружие».⁴⁶ (Когда это сообщение было доведено до сведения царских чиновников после поражения восстания, оно вызвало у правительства лихорадочные поиски каких-либо доказательств связи Британии с революционным движением в империи — вероятно, это был один из самых ранних примеров традиционной русской веры в то, что корни внутреннего инакомыслия находятся за границей. Но нет никакого сомнения, что, хотя у польского дела и было много друзей среди либеральных английских политиков, между британским правительством и революционными движениями того времени — как в собственно России, так и в Польше — не существовало ни малейшей связи.) Со своей стороны русские представители дали польским собеседникам понять, что если те надеются на то, что новая Россия дарует Польше независимость, то они должны согласовать свои действия с действиями декабристов. В частности, Пестель желал, чтобы с началом революции в России поляки воспрепятствовали любой попытке великого князя Константина [Он был главнокомандующим

⁴⁴ Материалы, IV, с. 103.

⁴⁵ Материалы, IV, с. 104.

⁴⁶ Материалы, IV, с. 118.

не только польской армией, но и так называемым Литовским корпусом, состоявшим из войск в западных губерниях России, соседствовавших с Царством Польским] прийти на помощь брату. Поляки должны были «позаботиться» о великом князе (то есть, предположительно, убить его) и вообще связать своё революционное движение с движением русских мятежников. Поскольку обе стороны были не вполне откровенны друг с другом, переговоры ни к чему не привели.

На своем пути к гибели декабристы сумели втянуть и увлечь за собой крушение еще одной организации. Это было Общество соединенных славян, которое существовало среди офицеров Второй армии с 1823 года совершенно независимо от декабристов и без их ведома. Неудивительно, что эта организация — еще один пример охватившей русскую молодежь, да и весь континент, [Чем объясняется внезапное бурное разрастание в посленаполеоновской Европе организаций такого рода? Вероятнее всего, следующим: распадом прежнего общественного уклада с его традиционными, преимущественно религиозными, формами удовлетворения потребности в участии; интеллектуальным брожением, вызванным Французской революцией; и, наконец, попыткой большинства европейских правительств после 1815 года повернуть время вспять, чтобы сдержать умственное любопытство и новое политическое самосознание человека XIX века.] страсти к тайным обществам — поначалу не привлекла внимания ни правительства, ни их предшественников по заговору.

Членами Общества соединенных славян были молодые офицеры, разбросанные по гарнизонам Украины, нередко служившие в тех же самых полках, что и участники Южного общества. Но по большей части они были моложе по чину и, если говорить об их происхождении и имущественном положении, весьма отличались от Муравьевых, Трубецких и прочих представителей старинной знати и крупных землевладельцев, которых можно было встретить среди старших декабристов. Это были, как правило, сыновья обедневших помещиков и мелких чиновников; их воспитывали не иностранные гувернеры и не специальные академии, а родители или убогие местные школы того времени. Где же тогда они могли воспринять идеи инакомыслия? Этот вопрос, очевидно, ставил в тупик царских следователей по делу о восстании декабристов, считавших либерализм, конституционализм и прочие формы подрыва устоев иностранным заносом. Одним из их обычных вопросов обвиняемым был следующий: «Где вы получили образование и от кого усвоили те подрывные идеи, которые привели вас к преступному намерению изменить установленный порядок вещей?» На что один из основателей Общества соединенных славян, Петр Борисов, ответил:

«Я воспитывался дома, под руководством отца... Уже в юности чтение греческой и римской истории наполнило мой ум любовью к демократическому правлению. И это чувство впоследствии укрепилось во мне [при виде] жестокого обращения некоторых командиров с подчиненными, страданий, причиняемых крестьянам столь многими помещиками, а также несправедливостей, которые я сам испытал на службе».⁴⁷

⁴⁷ Материалы, V (1926), с. 28.

Но помимо подобных простых и благородных чувств программа Общества соединенных славян представляла собой мешанину фантастических идей. Каким-то образом — в отличие от старших ветвей декабристского движения, они никогда не задумывались над тем, как именно и когда, — Россия должна была превратиться в республику, а крепостное право — быть уничтожено. Затем, тоже неким неопределенным образом, остальные славянские народы должны были освободиться от иностранного и внутреннего гнета и образовать федерацию свободных республик.

Пыл этих молодых людей в отношении славянского единства был куда сильнее их знания истории и географии славян. Так, они включали в число славян венгров, полагали, что жители Богемии и Моравии принадлежат к разным национальностям, по-видимому, вовсе не замечали существования болгарского народа и, что всего загадочнее, при том что некоторые из Соединенных славян были уроженцами Украины, не считали ее население отличным от великороссов.

О существовании Общества соединенных славян стало известно некоторым членам Южного общества во время летних маневров Третьего армейского корпуса в 1825 году, и к тому времени, когда учения закончились в середине сентября, оба тайных общества слились. Некоторые члены более молодого заговора неохотно соглашались раствориться в общем движении декабристов. Но их склонили красноречивые, хотя и недобросовестные, доводы Бестужева-Рюмина, выступавшего главным вербовщиком: движение декабристов уже стало мощной силой и вот-вот нанесет самодержавию смертельный удар. Намеченный государственный переворот не может не удался, если среди заговорщиков находятся не только большинство полковых командиров в их районе, но и такие прославленные военные деятели, как генерал Павел Киселев и генерал Алексей Ермолов, главнокомандующий на Кавказе. Молодые неопиты не могли не быть впечатлены этим созвездием князей, генералов и полковников, к которым им предстояло примкнуть в общем революционном деле. Столь же неправдив был Бестужев и тогда, когда уверял их, будто конституция, которой его тайное общество собирается наделить Россию, существует уже с 1815 года и была одобрена ведущими умами Европы. Все это чрезвычайно волновало тех неопытных и наивных поручиков и прапорщиков. Однако Бестужев-Рюмин едва не перегнул палку, когда стал расписывать, какими почестями и богатствами благодарное отечество вознаградит своих спасителей: «Наградой за ваши жертвы будет не смерть, а высокие почести и достоинства. Вы молоды, и впереди у вас не венец мученичества, а слава и счастье».⁴⁸ Тут среди молодых идеалистов поднялся возмущенный ропот, раздались крики, что оскорбительно даже предполагать, будто они способны думать о награде за свой патриотический труд. Бестужев-Рюмин поспешно сменил тему.

Этот юный макиавеллист вряд ли мог внушать большое доверие: ему был всего двадцать один год, он отличался развязностью и болтливостью. Но Сергей Муравьев, чья личность и прошлое внушали уважение, подтвердил рассказ своего близкого друга. В результате Общество

⁴⁸ Цит. по: Горбачевский, с. 28.

соединенных славян решило распустить собственную организацию и подчиниться руководству Южного общества.

Почти сразу же начались столкновения между нетерпеливыми неопитами и их новыми союзниками. Когда должен состояться переворот? Муравьев объяснял, что он намечен на следующее лето. Почему же ждать так долго и, во всяком случае, не следует ли уже теперь начать революционную агитацию среди солдат? Старшие были шокированы. Никакой такой агитации не требуется: русский солдат не понимает политики, но всегда повинуетея своему командиру. А если у него все же возникнут сомнения насчет выступления против императора, офицер объяснит ему это как религиозный долг. «Наши солдаты — добрые, простые люди. Они мало думают и потому должны служить лишь орудием для достижения наших целей»⁴⁹.

То, что Муравьев, хорошо известный своим гуманным и внимательным отношением к солдатам, мог выражаться столь бесцеремонно, служит убедительным доказательством того, насколько он находился под влиянием Бестужева. И действительно, для большинства людей, знавших их обоих, оставалось загадкой, чем объясняется их близость и то влияние, которое этот молодой хвастун и интриган оказывал на старшего товарища.

Много позже, размышляя о слиянии, Горбачевский, член Общества соединенных славян, довольно горько писал о Южном обществе:

«[Его члены] были по большей части людьми из высших классов. Они намеревались осуществить переворот исключительно военными средствами, без участия масс. [Но даже] офицерам и нижним чинам они не могли заранее открыть свои конечные цели. Первых надеялись увлечь одним лишь энтузиазмом движения и разными обещаниями, вторых... подкупом и угрозами. Кроме того... члены Южного общества были в большинстве своем людьми зрелого возраста, занимавшими достаточно важное положение... Напротив, Соединенные славяне были без исключения молоды, страстны, наивны и нетерпеливы. Им было не свойственно ограничиваться благочестивыми желаниями. Они жаждали действия, страстно хотели увидеть свои мечты осуществленными. Им не мешало ни то, что другие считают их себе неравными, ни необходимость подавлять личные стремления ради общего дела, потому что им еще не доводилось вкусить пресловутых плодов власти».⁵⁰

При всех сословных и темпераментных различиях между старыми и новыми членами присоединение Соединенных славян должно было бы придать Южному обществу значительный приток сил: около пятидесяти молодых и энергичных людей. Но то, что было справедливо для всего декабристского движения в целом, оказалось справедливо и для Южного общества в последние оставшиеся месяцы его существования: не было ни катализатора, ни руководства, способного превратить революционные идеи и планы в революционное действие. Новые члены действительно внесли некоторое оживление в тайную организацию. Некоторые из них начали агитацию среди нижних чинов. Но при отсутствии общего плана действий агитаторы были не в состоянии по-настоящему идейно обработать солдат. Те внимательно слушали, когда им говорили то, что им и без того было известно, — что жизнь для большинства русских тяжела и несправедлива, — но не понимали, чего же

⁴⁹ Горбачевский, с. 30.

⁵⁰ Горбачевский, с. 33-34.

именно от них хотят. «Их сердца и умы были взволнованы смутным чувством, что существующий порядок вещей должен быть изменен. Им хотелось чего-то нового, но чего именно? На этот вопрос они не могли дать ясного ответа».⁵¹

Но дни заговора были уже сочтены. Правительственные чиновники и прежде получали намеки на существование тайных обществ. Однако лишь в 1825 году осведомители внутри Южного общества дали режиму более полное представление о заговоре. Будь царский режим более действенным, он мог бы выступить против заговорщиков задолго до восстания 14 декабря. Но столь же несомненно и то, что, не случись необычного поворота событий — совершенно неожиданной смерти Александра в ноябре, — никакого государственного переворота не было бы: заговорщиков арестовали бы задолго до августа 1826 года, намеченного ими срока выступления. Если бы аресты произошли в тот момент, когда масштабы их деятельности стали известны, новому режиму Николая I удалось бы избежать травматического потрясения, каким стало восстание. Новый царь, хотя и не был человеком, который сам начал бы вводить конституционный строй, весьма вероятно, все же предпринял бы шаги к решению некоторых насущных социальных язв страны, таких как крепостное право. Таким образом Россия, возможно, избежала бы тридцати лет реакции и застоя; а если бы не было 14 декабря, с заговорщиками, вероятно, обошлись бы гораздо мягче, и они вошли бы в историю как благородные мечтатели и дилетанты-революционеры, но без того ореола романтики и мученичества, который окружил декабристов впоследствии. На деле же события 14 декабря 1825 года открыли пропасть между русским обществом и имперским правительством, пропасть, которую уже никогда не удалось преодолеть.

В 1823 году Северное общество приобрело нового члена, которому суждено было сыграть решающую роль в событиях, приведших к восстанию. Кондратий Рылеев был поэтом весьма скромного дарования, но его стихи широко читались благодаря их патриотическим и радикальным темам. Сын обедневшего офицера, он был вынужден рано оставить армию в чине подпоручика, чтобы искать более доходную гражданскую службу. В конце концов он поступил чиновником в Российско-американскую компанию, управлявшую Аляской. Молодой поэт был человеком действия, который, в отличие от большинства своих сообщников, не мог довольствоваться бесконечными рассуждениями о том, что нужно будет сделать после революции. Он также умел передавать другим свой энтузиазм и свою нетерпеливость. Правительственная комиссия, расследовавшая неудавшийся переворот, так подытожила вклад Рылеева:

«Комитету известно, что к 1823 году Северное общество состояло из сравнительно немногих деятельных лиц и уже близилось к прекращению своего существования. Но, вступив в него, вы стали одним из самых ревностных и деятельных его членов и с помощью некоторых лиц на юге вдохнули в него новую жизнь, привлекли новых сообщников, над которыми господствовали и которых пропитывали либеральными идеями... Таким образом расширяя сферу подрывной деятельности... вы в конечном счете стали главным двигателем событий 14 декабря».⁵²

⁵¹ Горбачевский, с. 35.

⁵² Материалы, I, с. 167.

Хотя это суждение преувеличивает степень деморализации заговорщиков до вступления Рылеева, его оценка роли Рылеева в целом верна. Его положение в Северном обществе соответствовало положению Пестеля на юге. Но источники их влияния были различны. Влияние Пестеля основывалось на его интеллектуальном превосходстве над последователями, на их благоговении перед его ученостью и способностью строить развернутые теоретические планы. Но ему недоставало той уверенности в себе и способности покорять не только умы, но и сердца, которые столь важны для революционного вождя. Напротив, Рылеев благодаря своему дару дружбы, своему энтузиазму и чистой жизненной энергии умел рассеивать сомнения и колебания товарищей и тем самым толкать их к действию. Но он был и склонен к безрассудству и плохо разбирался в людях.

Человек, созданный для общения, Рылеев превратил свою скромную квартиру в центр революционной жизни Петербурга. Туда постоянно стекались посетители: гвардейские офицеры, литературные знаменитости, либерально настроенные чиновники. Мало заботясь о конспиративных предосторожностях, ветераны-декабристы смешивались и беседовали о радикальной политике со случайными знакомыми хозяина, которых он надеялся привлечь к делу. Гостеприимство было сердечным, хотя угощение отличалось простотой; однако «русские завтраки» Рылеева вскоре прославились по всей столице именно благодаря своей возбуждающей и необычной простоте, если сравнивать их с петербургскими салонами. В отличие от домов более состоятельных декабристов, здесь гостям подавали не шампанское, а водку, а главным блюдом были щи, дополненные щедрыми ломтями ржаного хлеба. И много пения. Рылеев верил, что подрывные песни — очень действенное средство революционной пропаганды. Одну из них он сочинил сам: в ней высмеивалась царская страсть к военным парадом и строевой муштре и делались неделикатные намеки на немецкое происхождение и манеры императорской семьи. Но некоторые песни имели и более серьезные темы. В переделке одной популярной песенки рассказывалось, как кузнец точит три ножа: один для вельмож, один для духовенства и один — чтобы поразить царя. Гости, среди которых были отпрыски самых знатных русских семейств, большинство из них офицеры на действительной службе, с восторгом подпевали. Эта бодрящая атмосфера резко отличалась от мрачных рассуждений о будущей конституции, занимавших многих сообщников Рылеева. Он принадлежал к тем людям, которые живут ради самого революционного мгновения и не слишком заботятся о том, что будет после.

И потому он должен был учитывать различные возможности. Среди его знакомых были высокопоставленные государственные деятели, такие как Михаил Сперанский, вновь занимавший важное место в имперском управлении, и адмирал Николай Мордвинов, сенатор и бывший министр финансов, один из первых русских писателей по экономике. И хотя ни тот, ни другой не могли открыто проповедовать подобные идеи, обоих считали сторонниками реформ и постепенного отхода России от самодержавия. Сперанский сохранял значительную часть своего прежнего либерализма, а Мордвинов, женатый на англичанке, был большим почитателем британской конституции. Такие лица, полагали Рылеев и его товарищи, конечно, не могли открыто поддержать заговор, но едва ли не догадывались о том, что происходит в умах молодых людей, чье знакомство они поддерживали. И в решительный момент поддержка

таких людей, как Сперанский и Мордвинов, если бы удалось склонить их поставить свой громадный авторитет на сторону революции, могла бы оказаться весьма полезной.

Рылеев не был фанатиком. Образцом будущего устройства России для него служила американская конституция. Стране, однажды объяснял он Пестелю, нужен Вашингтон, а не диктатор вроде Наполеона — на такую роль, как ему казалось, претендовал его собеседник. Но нельзя было исключать, что для свержения режима потребуются крайние меры и помощь совсем иных людей, не похожих на таких старших сановников, как Сперанский и Мордвинов. Поэтому он искал и потенциальных убийц. И лучше всего, чтобы они не были слишком тесно связаны с самим тайным обществом. Русский народ мог бы не слишком благосклонно отнестись к новому режиму, если бы руки его вождей были запятнаны кровью Помазанника Божьего. В окружении Рылеева было два человека, которые, как он думал, могли бы послужить делу устранения императора так, чтобы вина не пала на декабристов.

Петр Каховский, хотя и был принят в общество в 1825 году, не был посвящен в его планы. Этот двадцативосьмилетний бывший поручик во многом являл собой прообраз будущей длинной череды русских террористов. Углубленный в себя и эмоциональный, он прожил жизнь, полную личных несчастий и служебных разочарований. К Рылееву, который, несмотря на собственную стесненность в средствах, поддерживал его материально, Каховский не раз обращался с признаниями в намерении поразить царя. Но момент еще не настал, и Рылеев убеждал друга отказаться от этого шага, указывая, что вслед за его арестом последует разгром тайного общества.

Другим самозванным кандидатом в тираноубийцы был капитан Александр Якубович. В отличие от Каховского, у Якубовича была личная обида на царя. За участие в дуэли в качестве секунданта Александр I отстранил его от службы в гвардии и перевел в линейный полк на Кавказ. Там Якубович отличился всяческими подвигами в боях с горцами, но одновременно подтвердил свою репутацию скандалиста, вызывавшего товарищей-офицеров на поединок при малейшем поводе и неизменно стремившегося в действительной дуэли искалечить противника. Получив ранение в голову, вспыльчивый офицер был уволен из армии по инвалидности. Высокий ростом, с военной осанкой, с черепом, так и не зажившим полностью и прикрытым черной повязкой, он в ту пору был колоритной фигурой в петербургском обществе. Хвастун и пустослов, Якубович рассказывал всем и каждому, кто готов был слушать, о незаслуженном оскорблении, нанесенном ему монархом, и о том, как он намерен отомстить. В декабристах сохранилось хотя бы немного здравого смысла: они никогда формально не приняли Якубовича в тайное общество. Но для Рылеева он был еще одним человеком, которого при случае можно было «спустить с цепи».

Настанет ли когда-нибудь такой случай? При всем своем революционном пыле и всех своих замыслах Рылеев, который в 1825 году вошел в трехчленную дирекцию Северного общества, был еще далек от того, чтобы выработать настоящий план и календарь восстания. Поскольку к концу года правительство уже готовилось арестовать вождей Южного общества, почти несомненно, что рано или поздно такая же участь постигла бы и северных декабристов. Но как

раз в тот момент, когда заговор уже распутывался, 19 ноября Александр I скончался в южном городе Таганроге.

Известия о его болезни некоторое время просачивались в столицу, но никто не ожидал смертельного исхода — императору было всего сорок восемь лет. Известие о его смерти, объявленное двадцать четвертого числа, поразило Петербург как громом. За этим последовали две недели полнейшего замешательства, в течение которых Россия фактически оставалась без правителя, а правительственная машина была парализована. Из этого хаоса и выросло восстание. Нерешительные, неорганизованные заговорщики были втянуты ходом событий — почти против собственной воли — в действие. Настолько велика была слабость потерявшего управление государственного корабля, что это поспешно состряпанное, половинчатое и дилетантское восстание едва не привело к падению самодержавия.

Причина этой неразберихи крылась в запутанном вопросе престолонаследия. Поскольку Александр не имел детей, его наследником, как все предполагали и как требовал закон, должен был стать следующий по возрасту брат — великий князь Константин. Только в пределах императорской семьи понимали, что Константин и по характеру непригоден к правлению, и сам не желает его.

Отвращение великого князя к короне восходило к травме убийства его отца. Он опасался, что такая же судьба постигнет и его, если он когда-нибудь взойдет на престол. Уже почти десять лет он жил в Варшаве в качестве главнокомандующего польской армией и фактического наместника страны. Его симпатия к полякам в ущерб собственным соотечественникам была не в последнюю очередь связана с тем, что польская история не знает ни одного случая цареубийства. Константин унаследовал неуравновешенность отца, с ее внезапными переходами от рыцарственности к жестокости. При всей своей привязанности к полякам он порой публично оскорблял офицеров, и некоторые из них, повинаясь кодексу чести, тогдашнему в полном ходу, кончали с собой. Слухи об этих и других его выходках доходили до России, но, поскольку Константин был лишь на два года моложе Александра, никто особенно не задумывался о возможности его вступления на престол.

В 1822 году, уже женатый на польке-простолюдинке, Константин направил Александру частное письмо, в котором предлагал отказаться от своих прав на престолонаследие. Тогда Александр предпринял весьма странный шаг. Письмо брата так и не было обнародовано. Вместо этого в 1823 году в документе, тоже оставшемся тайным и существовавшем всего в трех экземплярах, царь назначил своим наследником следующего брата — гораздо более молодого Николая, которому тогда было двадцать девять лет. По причинам, так никогда и не выясненным, Александр распорядился империей так, словно речь шла о его частном имении. Даже самому Николаю прямо не сообщили, что престол минует Константина, и не готовили его к будущей ответственности: его занятия оставались исключительно военными.

Через несколько дней после объявления о смерти Александра содержание тайного документа стало известно высшим сановникам империи. Но к тому времени и они, и армия уже присягнули императору Константину I. То же сделал и Николай, боявшийся малейшего

подозрения в попытке отнять корону у старшего брата. Последний же повел себя вполне в духе своего неуравновешенного характера: он ни на мгновение не желал признавать себя императором и отказывался выехать из Варшавы или сделать публичное отречение от престола. Так, пока гонцы скакали туда и обратно между Петербургом и Варшавой, вся государственная машина остановилась.

Несмотря на все годы подготовки к смерти императора, когда она действительно наступила, декабристы оказались неспособны действовать — яркое свидетельство химеричности и мечтательного характера всех их революционных замыслов. Южное общество, находившееся далеко от главной сцены событий и полностью рассеянное, сохраняло молчание. Их петербургские товарищи погрузились в лихорадочные обсуждения: были вновь подняты и горячо обсуждены все революционные сценарии последних девяти лет. Лишь затянувшийся кризис, казавшийся полной дезорганизацией режима, навязал колеблющимся и спорящим заговорщикам убеждение, что необходимо что-то предпринять.

Это «что-то» было слеплено из обрывков прежних планов восстания. По существу, задумывался дворцовый переворот, осуществляемый частями гвардии, где офицерами служили члены тайного общества. Однако целью должно было стать уже не свержение одного человека ради другого, а установление временного режима, который созвал бы национальное собрание, а оно, в свою очередь, должно было провозгласить Россию республикой или конституционной монархией. Когда стало ясно, что Николай все же будет возведен на престол, в план проник элемент обмана. Заговорщики собирались воспользоваться молчанием Константина и убедить солдат, будто Николай — узурпатор, стремящийся отнять корону у законного государя. Обсуждались и иные варианты, потом отвергнутые: провозгласить регентство от имени семилетнего сына Николая, будущего Александра II; провозгласить монархом вдову покойного императора Елизавету, а затем склонить ее к отречению. Короче говоря, заговорщики мало верили в действенность революционных или конституционных лозунгов: по крайней мере вначале русский народ следовало привлечь к делу посредством обмана. Рылеев и его товарищи в последние дни даже проверяли, сработает ли эта уловка. Смешиваясь с солдатами и толпами на улицах, они убедились, что народ совершенно сбит с толку, а в воздухе носятся самые фантастические слухи: будто Николай заточил брата, будто истинное завещание Александра скрывают и т. д.

Надо отдать им справедливость: даже намереваясь победить хитростью, декабристы не собирались, захватив власть, забыть свои идеалы. Одновременно с переворотом предполагалось опубликовать манифест, вводящий далеко идущие реформы, еще до созыва национального собрания. [Не уточнялось, кто именно будет иметь право участвовать в голосовании за него.] Этот манифест должен был немедленно отменить крепостное право, распустить военные поселения и уничтожить налоги и монополии, особенно тяжкие для низших классов. Все граждане объявлялись равными перед законом, судебные разбирательства с участием присяжных — открытыми, срок военной службы сокращался с двадцати пяти до пятнадцати лет, что должно было обеспечить перевороту широкую поддержку среди солдат. Хотя некоторые из этих мер были, очевидно, еще недостаточно

продуманы — например, не уточнялось, будет ли крестьянам после освобождения дана земля, — это воззвание все же представляло собой ясное обязательство перед новой, совершенно иной Россией и доказательство того, что декабристы не стремились к власти ради самой власти.

Но сомнения и колебания вернулись, когда дело дошло до самой механики восстания. Никто не возражал против ставки на имя Константина, но было сомнительно, что одного этого окажется достаточно для успеха. Некоторые, особенно неугомонный Якубович, убитый горем из-за того, что смерть Александра лишила его мести, требовали крайних мер: нужно, мол, поднять массы, воспользоваться теми анархическими инстинктами, которые таятся под поверхностью русской жизни. Поэтому, считали они, солдатам следовало разрешить грабить винные лавки и не слишком сдерживать их в других формах насилия. Но подобные доводы были признаны и нравственно недопустимыми, и неразумными. Апелляция к самым низменным инстинктам толпы не только запятнала бы революционное дело, но и заставила бы большинство нации в ужасе отвернуться от него. Следовало ли мятежникам занять Зимний дворец? И это многим казалось неприемлемым. Любое насилие над императорской семьей непременно разрушило бы фикцию, будто переворот совершается во имя законного государя.

Ни один план революционного восстания никогда не бывает расписан до мельчайших подробностей, и лишь немногие революции в точности следовали заранее составленной схеме. Но у декабристов дело осложнялось не только разногласиями относительно наилучшего способа действия, но и тем, что по мере приближения решающего дня их все сильнее терзали сомнения в самом замысле. То, что прежде они так часто и уверенно планировали, теперь выростало перед ними почти непреодолимой задачей, полной ловушек и опасностей со всех сторон. Не обрушат ли они в действительности волну анархии и народного насилия, которая поглотит и их самих, и правительство? Имеют ли они право precipitate — вызвать — то, что может обернуться гражданской войной и непоправимо повредить величию любимой страны? Насколько значительны и надежны силы, которыми они располагают, и смогут ли офицеры-заговорщики увлечь за собой солдат? В последние дни тревога охватила даже Рылеева, который, по своему положению, должен был бы подавать пример решимости и уверенности. Порой вождь Северного общества дышал оптимизмом: существующая неразбериха такова, что один решительный удар наверняка опрокинет режим, а дальше уже будут предприняты иные шаги по мере надобности. Но в минуты меньшего подъема он сознавал почти фантастический характер предприятия. Имея около пятидесяти офицеров, главным образом младших чинов, и горстку штатских, они намеревались сокрушить здание, стоявшее веками. Конечно, было немало и других, готовых примкнуть к революции, как только она одержит первый успех. Но по мере приближения часа действия из рядов революционеров начались отступничества. 9 декабря планы стали известны высшим чиновникам, и через сочувствующих внутри бюрократии декабристы узнали, что Николай будет провозглашен императором в ближайшие дни. Константин теперь уже окончательно, хотя и по-прежнему не публично, отказался от своих прав. Многие члены тайного общества, некоторые из них давние, теперь объявляли о своей неготовности или неспособности участвовать в выступлении против законного царя. Мысль Рылеева лихорадочно искала новых ходов. Может быть, удастся

«спустить» Каховского на Николая, а заговорщики отрестятся от ответственности за убийство. Но Каховский, когда ему осторожно намекнули на это, отказался. Он был готов пожертвовать собой ради дела, но лишь в том случае, если товарищи не станут от него отрекаться.

Накануне судьбоносного предприятия декабристов отличало скорее фаталистическое, нежели уверенное настроение. Они должны идти вперед, говорил в какой-то момент Рылеев, потому что даже если потерпят поражение, их жертва вдохновит будущих борцов за свободу. Заговорщики теперь почти непрерывно заседали в квартире Рылеева (сам поэт, проведя несколько последних дней в тревожных совещаниях с товарищами и в хождении по Петербургу, пытаясь уловить настроение масс, наконец заболел и был вынужден оставаться дома), где молодой князь Александр Одоевский, корнет гвардии, все повторял: «Мы умрем, но умрем славно». Подобные чувства не предвещали успеха восстанию.

И действительно, окончательный план действий, принятый восставшими, как будто был заранее запрограммирован на катастрофу. Они продолжали спорить и медлить почти до самого последнего момента. 13 декабря стало известно, что на следующий день чиновники и армия должны будут присягнуть Николаю. Теперь — или никогда. Казалось бы, следовало действовать в ту же ночь и сделать захват резиденции Николая и его семьи центральным пунктом переворота. Вместо этого было решено начать восстание на следующее утро. Декабристские офицеры должны были объяснить своим солдатам, когда те соберутся в казармах для принесения присяги, что Николай — узурпатор, а затем вывести их в полном боевом порядке на Сенатскую площадь. Заседание Сената было назначено на семь часов утра. Мятежные части должны были занять здание и принудить собравшихся сановников издать манифест революционеров. Некоторые элементы заговора так и остались неясными. Так, невозможно установить, должен ли был манифест быть издан от имени якобы законного императора Константина или Сенат попросту должен был, сочтя Константина отрекшимся, провозгласить новый режим от своего имени. Если последнее, трудно понять, каким образом декабристы рассчитывали сохранить верность солдат, которые вполне могли бы обратиться против своих офицеров за столь откровенный обман. Ни до, ни после восстания никто из его инициаторов, по-видимому, не испытывал угрызений совести по поводу того, что они воспользовались доверием и привычкой к повиновению этих простых людей, тем самым подвергнув их смерти и драконовским карам ради дела, которого те не понимали.

Усугубляя прочие свои ошибки, заговорщики доверили руководство военной операцией, пожалуй, тому человеку в своей среде, который менее всего был для этого пригоден. Князь Сергей Трубецкой уже показал себя человеком, весьма сомневающимся в самом предприятии. Как и показали события четырнадцатого числа, он не верил и, в сущности, не желал успеха революции. Казалось, имелись веские причины назначить его диктатором — таков был его официальный титул: носитель исторического имени, полковник гвардии, а значит, старший по чину среди заговорщиков, Трубецкой был также одним из основателей тайного общества. Но товарищам следовало понять, что при его нерешительном характере, при всей личной храбрости как солдата, он не годился к самостоятельному командованию, тем более к той

задаче, которую на него возложили. Позднее Трубецкой утверждал, что принял поручение потому, что надеялся договориться с правительством и избежать кровопролития — странное чувство для человека, согласившегося возглавить революцию.

Сам рассказ о роковом дне навсегда будет сопровождаться историческими догадками: «Что могло бы случиться, если бы только...» и «Иначе и быть не могло». Что, если бы восставшие выбрали иного человека в качестве вождя? Если бы на их сторону перешло больше солдат? Если бы у них хватило предусмотрительности запасти несколько орудиями? И, наконец, главное: что произошло бы, если бы мятежники, выведя свои войска на площадь, сумели действовать быстро и решительно, вместо того чтобы стоять и ждать, пока что-то случится — а случилось в итоге лишь их крушение?

Сторона довода «иначе и быть не могло» опирается на то, что по самому своему замыслу и исполнению восстание было запрограммировано на неудачу. Его зачинщики были исполнены сомнений и тревоги, почти с самого начала внутренне признавая поражение.

Ранним утром четырнадцатого числа гражданские и военные чины Петербурга собрались в различных местах для принесения присяги новому императору. Это и был момент, когда заговорщики должны были выступить. Их план предусматривал, что посвященные в заговор офицеры призвут солдат не присягать узурпатору, а помнить свою присягу Константину, после чего выведут их из казарм, будто бы для защиты прав законного государя. Декабристы надеялись таким образом склонить на свою сторону по меньшей мере шесть полков, а затем предполагали, что остальные части откажутся стрелять в своих товарищей по службе. Все зависело от инициативы, убедительности и популярности среди нижних чинов сравнительно небольшой группы, по большей части младших офицеров. С самого начала дела пошли наперекосяк. В большинстве полков верные правительству офицеры сумели убедить солдат, что Константин в самом деле отказался от трона. В итоге заговорщики сумели увлечь за собой лишь части трех подразделений — Московского, Гренадерского и Морского гвардейских полков, то есть около трех тысяч человек вместо ожидавшихся двадцати тысяч. Но еще более губительным для шансов революции, чем численная слабость восставших, стала нерешительность их руководителей и их неспособность либо придерживаться плана, либо импровизировать, прибегая к новым смелым мерам.

Существенной частью плана было захватить Сенат в то время, когда он заседает, и принудить его членов обнародовать революционный манифест, который формально установил бы новый режим. Заговорщики знали, что заседание Сената назначено на семь часов утра. Но было уже половина одиннадцатого, когда первая из мятежных частей — Московский гвардейский полк, с развернутыми знаменами и под бой барабанов — вступила на площадь. Сенаторы, уже присягнувшие Николаю, давно разошлись. Обнаружив площадь пустой, полк выстроился в боевой порядок и остался стоять на пронизывающем декабрьском морозе, время от времени выкрикивая «ура» Константину. (Есть, возможно апокрифический, рассказ, что солдаты кричали: «Да здравствует Константин и жена его Конституция!») В течение следующих двух часов к ним в таком же положении присоединились другие мятежные отряды. Революция стояла и ждала.

К тому же она была без головы. Трубецкой, в последнюю минуту охваченный паникой, не смог заставить себя присоединиться к людям, которых должен был вести. Вместо этого, побродив несколько часов по улицам столицы, он укрылся в доме своего шурина, австрийского посла. Столь же примечательно отсутствовал на площади и человек, которого декабристы назначили вторым лицом после диктатора, — Александр Булатов. Рылеев как штатский не мог участвовать в военных действиях. Изнуренный напряжением последних дней, он провел утро, пытаясь заставить офицеров-товарищей перейти к действию, а затем вернулся домой — ждать горького конца. По умолчанию командование должно было перейти к начальнику штаба восстания князю Евгению Оболенскому, но он был всего лишь поручиком и не мог пользоваться большим авторитетом у солдат.

Еще более пагубным для успеха революции, чем неудача с захватом Сената, оказался провал с занятием Зимнего дворца, где утром собрались Николай и высшие сановники. Решение занять императорскую резиденцию было окончательно принято декабристами накануне вечером, но и здесь они, кажется, составили план так, чтобы гарантировать его провал. Предполагалось, что дворец займет Морская гвардия под командой Якубовича — выбор странный, учитывая его хорошо известную ненадежность и то обстоятельство, что, будучи армейским офицером, он был чужим человеком для тех матросов, которых ему предстояло вести в столь деликатной операции. Как и следовало ожидать, Якубович, совершенно не думая о своей ответственности, присоединился к Московскому гвардейскому полку, тогда как Морская гвардия, которой он должен был командовать, миновала дворец и встала вместе с прочими мятежниками на Сенатской площади.

Если среди революционных руководителей царили растерянность и паника, то на стороне правительства картина была несколько иной. Конечно, многих высоких чиновников и генералов тоже охватил паралич воли, когда ход событий показал, до какой степени они пренебрегли предосторожностями и не сумели предупредить мятеж. Но в конечном счете все зависело от нового царя, и он головы не потерял. Николай уже некоторое время знал, что при его восшествии на престол могут возникнуть беспорядки. Человек суровой выправки и раздражительного характера, он понимал, что не пользуется любовью в гвардии, где как великий князь давно служил офицером, а в последнее время даже командовал дивизией. Всего за два дня до этого его уведомили, что восстание готовится. Молодой офицер Яков Ростовцев, которому друзья-декабристы рассказали о планах тайного общества, счел своим долгом открыть это будущему императору, оговорив, однако, что как человек чести не может назвать ни одного имени. Николай, уважив щепетильность доносчика и потому не имея возможности заранее арестовать заговорщиков, все же получил бесценное преимущество: он оказался подготовлен к драматическим событиям, с которых должно было начаться его царствование.

Теперь он действовал с заметной решимостью. Позабывшись о защите Зимнего дворца и своей семьи, царь лично принял командование верными войсками. Постепенно они окружили Сенатскую площадь, закрыв мятежникам доступ к дальнейшим подкреплениям. Правительственная сторона обладала явным численным преимуществом: около двенадцати тысяч солдат против трех тысяч восставших; к тому же, в отличие от мятежников, у них были

артиллерия и кавалерия. Но положение все еще оставалось взрывоопасным. Николай не решался отдать приказ о нападении на противников, и потому две почти неподвижные массы войск несколько часов стояли друг против друга. Царь не хотел начинать свое царствование кровопролитием; возможно, еще важнее был страх, что верность его войск поколеблется, если им будет приказано атаковать и убивать своих товарищей. К мятежникам посылали нескольких эмиссаров с призывом сложить оружие. Один из них, петербургский генерал-губернатор Милорадович, хорошо известный и любимый солдатами, начал было убеждать их в бессмысленности их предприятия и в том, что он, как личный друг великого князя Константина, может поручиться: тот действительно отказался от короны в пользу брата. Но его речь была прервана пулей из пистолета Каховского, и Милорадович смертельно раненным упал. Раздались и другие выстрелы, были несколько потерь среди правительственных войск. И все же поразительно, что, несмотря на все прежние разговоры о цареубийстве и при том, что император, сидя на коне, представлял собой ясную цель, никто не попытался лишить его жизни.

Не менее поразительной была выносливость русских солдат. С обеих сторон они стояли, не сходя с места, около пяти часов — в полном строю и в мороз. Но декабристы, покинутые своими вождями, убедившись в ложности большинства расчетов, продолжали держаться в этой самоубийственной позе. В известном смысле последний акт заговора оказался воплощением всей его истории. Декабристы мечтали, молились и трудились ради новой России. Но они так и не смогли до конца поверить, что имеют право сами взять в руки судьбу своей страны и поразить человека, который, будучи деспотом, все же по самому своему положению олицетворял Россию и ее величие. Патриотизм толкал их к революции, патриотизм же мешал довести ее до конца.

Было уже три часа пополудни, начинало темнеть. Офицеры в окружении Николая решили, что ждать больше нельзя. С наступлением ночи могли начаться переходы на сторону мятежников, а среди самих восставших — резкий всплеск активности. Толпа, состоявшая из столичной бедноты, заполнившая площадь ради зрелища и вместе с мятежниками отрезанная кольцом верных войск, становилась все беспокойнее; в солдат императора летели камни и кирпичи. Царь должен решиться, заявил ему один генерал: либо разогнать мятежников, либо отречься. Пусть артиллерия прочешет площадь. Дважды Николай отдавал приказ: «Начать огонь», и дважды отменял его. В третий раз приказ остался в силе. Несколько залпов картечью по сомкнутым рядам мятежников хватило, чтобы прежде дисциплинированная фаланга превратилась в охваченный паникой бегущий сброд. Попытки сопротивления не было. Восстание было подавлено.

То же странное фаталистическое настроение, которое мешало декабристам пробивать себе путь к победе, не позволило им теперь и попытаться избежать ареста и тюрьмы. В некоторых случаях они сами сдавались властям. Смелый и осторожный в стремлении пощадить кровь подданных во время противостояния на площади, император, добившись победы, явил иную сторону своего характера. Когда главных участников мятежа одного за другим приводили к нему на допрос, всероссийский самодержец превращался в инквизитора. С одними он пытался

действовать увещеваниями и лаской: им нечего бояться, если они искренне раскаются и расскажут все, что знают о заговоре. На других он обрушивал угрозы и оскорбления; прежде сдерживаемый страх теперь находил выход в ярости и грубом запугивании. После допросов узников отправляли в мрачные камеры Петропавловской крепости. Царь лично определял режим содержания каждого: с одними следовало обращаться мягче, других держать в строгой изоляции и в кандалах.

В ту же ночь основные факты о заговоре стали известны властям. Совершенно сломленный духом, моля царя о жизни, несчастный диктатор Трубецкой дал большую часть сведений, необходимых для раскрытия истории тайных обществ, имен их главных членов и других подробностей. Императорские адъютанты тотчас же помчались во все стороны европейской России и Польши с приказами арестовывать и под конвоем доставлять всякого, кто в какой бы то ни было степени был связан с декабристским движением с самого момента его возникновения.

На юге аресты начались даже раньше: Пестеля взяли уже тринадцатого. Но перед тем как исчезнуть, Южное общество успело подать еще один последний отчаянный знак жизни.

Интересно поразмышлять, что могло бы произойти в Петербурге, окажись Сергей Муравьев-Апостол среди руководителей восстания, а не привязанный к своим полковым обязанностям на Украине. Получив известие и об аресте Пестеля, и о катастрофе в столице (последнее дошло до южных декабристов двадцать третьего числа), Муравьев сначала подумывал о самоубийстве, но затем решил действовать. Помещенные под домашний арест по распоряжению из Петербурга, Сергей и его брат Матвей вскоре обрели свободу с помощью товарищей из Общества соединенных славян. Последние имели нескольких членов среди офицеров Черниговского полка, где сам Муравьев был вторым по старшинству командиром и пользовался большой любовью у солдат. Поэтому ему не составило труда увлечь около восьмисот человек в свое самоубийственное предприятие.

Поначалу доводы Муравьева были теми же, что у петербургских мятежников: солдатам говорили, что Константин — законный император, а Николай — узурпатор.⁵³ Им также обещали сокращение срока службы. Кроме того, Муравьев составил краткий катехизис, который полковой священник должен был зачитать солдатам; в нем разъяснялось, что самодержавная власть несовместима с христианством и что царь, присваивая ее себе, действует против учения Иисуса Христа, проповедовавшего свободу и равенство. Воодушевленные этим наставлением и укрепленные дополнительной выдачей водки, мятежные части полка двинулись в направлении Киева. Отчаянная надежда Муравьева состояла в том, что другие офицеры-декабристы, еще остававшиеся на свободе и, по видимому, уже мало что имеющие терять, последуют его примеру, и его отряд разрастется до такой степени, что удастся занять Киев и поставить правительство перед призраком гражданской войны. Но было уже поздно. Его прежние товарищи по заговору были охвачены страхом, и подкрепления не приходили. Напротив, из рядов мятежников дезертировали

⁵³ Материалы, IV, с. 407.

несколько офицеров и солдат. Блуждая почти без всякой цели по сельской местности, повстанческая колонна 3 января столкнулась с намного превосходящими правительственными силами, располагавшими и кавалерией, и артиллерией. Как и 14 декабря, это не было настоящим боем. Мятежников рассеял артиллерийский огонь. Большинство из них было взято прямо на месте, среди них и тяжело раненный Сергей Муравьев. На стороне верных правительству войск потерь не было. Вся черниговская история заняла четыре дня.

Так то, что начиналось как революция, свелось к тому, что можно назвать вооруженной демонстрацией на севере, за которой последовал столь же безнадежный мятеж на юге. И все же, несмотря на свою эфемерность, усилие декабристов высветило вопиющую слабость режима. Восставшие вышли из самой среды правящего класса. Если бы каким-то чудом первая попытка заговорщиков удалась, вполне возможно, что значительная часть этого класса, а также и бюрократии, встала бы на их сторону. После этого царское правительство уже никогда не могло рассчитывать на безусловную преданность своих подданных. Чтобы обеспечить себе повиновение, ему пришлось бы создать сложную машину репрессий, а это, в свою очередь, лишь усилило бы отчуждение общества и подготовило почву для почти непрерывной борьбы между реакцией и революцией, которая станет главной чертой русской истории вплоть до 1917 года.

Тем офицерам, которые в критический момент встали на его сторону, император выказал большую щедрость, осыпав их орденами, повышениями и почестями. Двадцать старших по чину верных офицеров были произведены в генерал-адъютанты — положение, которое обеспечивало его обладателю личный доступ к монарху и практически гарантировало блестящую военную и гражданскую карьеру. Среди младших офицеров сорок были назначены флигель-адъютантами — это был менее высокий, но все же важный шаг на лестнице почестей и предпочтений. Более прозаическими были награды нижним чинам: унтер-офицерам выдавались деньги, а каждому рядовому, которому 14 декабря посчастливилось оказаться на «правильной» стороне, вручали всего лишь по два рубля, два стакана водки и два фунта рыбы.⁵⁴

Для побеждённых милосердия почти не предполагалось. С чисто юридической точки зрения декабристы были виновны в государственной измене, и потому те из них, кто состоял на действительной службе в офицерских чинах, должны были бы предстать перед военными судами и, по всей вероятности, быть поставлены к расстрельной команде. Но, с другой стороны, в окружении Николая раздавались голоса, призывавшие к мягкости. Утверждали, что было бы политически благоразумно, если бы император начал своё царствование в духе великодушия и прощения. Всё это дело, в конце концов, окончилось неудачей — не в меньшей мере из-за нравственных колебаний заговорщиков, чем из-за их неумелости. Большинство из них были молодыми людьми, некоторые происходили из знатнейших семей России. Однако Николай предпочёл применить всю суровость закона, не проявив ни милосердия, ни всепрощения. В известном смысле наказания, которые он в итоге наложил на этих несчастных

⁵⁴ Г. С. Габаев, «Гвардия в декабрьские дни 1825 года» в кн.: А. Е. Пресняков, Четырнадцатое декабря 1825 года (Москва, 1926), с. 197.

людей, должны были оказаться для будущего России более позорными и более роковыми, чем была бы массовая казнь. Немногих покарают смертью, но гораздо большее число, включая и тех, чья связь с самим восстанием была весьма слабой или вовсе отсутствовала, будет опозорено и сослано на вечное поселение; их бесчестие и страдания в далёкой Сибири должны были служить предостережением всякому, кто вздумал бы последовать их примеру, восстать против законной власти и предаться «безумной жажде новизны», как суд охарактеризует один из главных источников изменнических замыслов декабристов. На деле именно решение Николая, продиктованное потрясением, пережитым им в день восстания, заставило судей изобресть такую форму наказания, которая и обеспечила декабристам место в истории и в революционной легенде. Память о том, насколько дилетантским был их мятеж и насколько недостойно многие из них вели себя после поражения, со временем померкла, и будущие поколения главным образом запомнили их самопожертвование и мученичество.

Насколько глубоко заблуждался Николай I, полагая, будто он сможет определить суд потомства над декабристами, ярко видно из слов его официального биографа:

Но каково бы ни было мнение о движении, представленном декабристами, как бы ни рассматривать его — как ошибку или как плод заблуждений, — нельзя отказать им в одной общей черте. Эта черта заключалась в их готовности к самопожертвованию в самом широком смысле слова. Здесь [были люди]... которые уже имели или стояли на пороге блестящей карьеры... люди, которые в исполнении своих служебных обязанностей поступали по убеждению, были исполнены человечности и справедливости и по праву пользовались доверием как своих подчинённых, так и тех, кто от них зависел... Самопожертвование руководителей [декабристов] тем более поразительно, что едва ли кто-нибудь из них рассчитывал на успех; напротив, все они были готовы умереть за свои убеждения.⁵⁵

Этот отрывок, вышедший из-под пера консервативного писателя и опубликованный ещё в ту пору, когда Россия оставалась самодержавной, говорит сам за себя.

17 декабря 1825 года состоялось первое заседание «Тайного комитета, учреждённого Его Величеством для исследования членов злоумышленного общества». Эта следственная комиссия, носившая столь тяжеловесное название, состояла из различных высших сановников, некоторые из которых были личными друзьями императора. Ни следствие, ни последующий так называемый суд не имели ни малейшего сходства с тем, что даже по тогдашним русским меркам можно было бы назвать судебной процедурой. Весь дух этих действий был выражен уже в императорском указе об учреждении особого верховного суда для суда над декабристами: «Назначение суда — вынести приговор государственным преступникам», — поразительная предусмотрительность, если вспомнить, что все 121 обвиняемый были признаны виновными.

К счастью для легенды декабристов, полные тексты их показаний перед следственной комиссией не стали известны вплоть до революции 1917 года, когда были открыты архивы имперского правительства. Подавляющее большинство мятежников поспешили выразить раскаяние, сообщили властям все подробности своей заговорщической деятельности и

⁵⁵ Шильдер, с. 435.

деятельности своих товарищей и умоляли о милости, зачастую в самой жалкой форме. Полковник Василий Тизенгаузен писал Николаю:

«Позвольте Вашему несчастнейшему верноподданному, о Всемилостивейший Государь, принести Вам глубокую благодарность за великодушие, с каким Вы дозволили мне писать к Вам; снизойдите выслушать кающегося грешника. Я не смею оправдывать своё поведение, которое привело меня к преступлению единственно по моей малодушной слабости... но клянусь, что никогда не намеревался нарушить закон. Государь, будьте милостивы и великодушны... Вы не найдёте среди Ваших верноподданных более преданного слуги, чем я».⁵⁶

Пестель, который до ареста говорил одному из своих товарищей, что скорее даст разорвать себя на части, нежели признается или выдаст властям хоть какие-либо сведения, очень скоро уже рассказывал им всё. 3 декабря бывший вождь заговора, теперь совершенно сломленный, написал жалостное письмо одному из своих допросчиков: «Вы не можете себе представить, как ужасна тревога, испытываемая в заключении и в неизвестности о своей участи. Его Величество повелел мне сказать всё, и я это сделал — вполне, ничего не скрывая». Он плакал, думая о своих престарелых родителях и о том, как они должны страдать. Пусть государь ради них простит его: «Я навсегда останусь благодарным и преданным Его Священной Особе и Его Августейшему Дому. Я понимаю, что мне нельзя оставаться в армии, но позвольте мне хотя бы быть свободным... Быть может, Бог в бесконечной милости Своей склонит сердце Императора в мою пользу».⁵⁷

Советские историки по большей части объясняли поведение заключённых декабристов их классовым происхождением: «Хрупкий революционный дух этих мятежников из дворян ломался легко под натиском полной победы самодержавия, краха их собственного движения и планов и массовых арестов».⁵⁸ Но это сильнейшее упрощение. В последующие годы среди русских революционеров будет немало выходцев из дворянства, включая Владимира Ульянова-Ленина, и их поведение на допросах или перед лицом виселицы в большинстве случаев будет совсем иным. Декабристы были первыми. Как стойкость солдата под огнём противника, так и выносливость революционера — в борьбе или в поражении — зависят не столько от врождённой храбрости, и тем более не от классового происхождения, сколько от выучки и опыта. И точно так же, как эти мятежники были не готовы совершить революцию, ничто в их прошлом не научило их переносить последствия её неудачи. Многие из них, как и некоторые действительно сделали, не поколебались бы отдать жизнь за дело, но они не умели справляться с одиночеством тюремной камеры, со страданиями и упрёками своих родных, с попеременными уговорами и угрозами, которыми их подвергали царь и его следователи.

Не столько хрупкость их революционного духа, сколько глубинная двойственность их отношения к России вела многих к самообвинениям, покаянию и преклонению перед человеком, которого они стремились низложить. Теперь, когда их дело потерпело поражение, Николай вновь возвышался как законный правитель, вершитель судеб России, и как таковой

⁵⁶ Материалы, II (1954), с. 250.

⁵⁷ Материалы, IV, с. 125.

⁵⁸ Нечкина, II, с. 397

должен был вызывать благоговение. Из своей тюремной камеры Пётр Каховский, пожалуй, самый бурный из декабристов, засыпал императора письмами, умоляя его стать реформатором: «Государь, я не враг Вам... Я страстно люблю мою родину. Её счастье связано с Вашей судьбой... От Вас зависят судьбы пятидесяти миллионов людей».⁵⁹ Приведённый в присутствие императора, Каховский был совершенно покорён человеком, которого прежде предлагал убить, когда услышал от Николая: «Я тоже русский». Этого было достаточно, чтобы привести узника в иступлённый восторг. Он писал потом императору, что умрёт счастливым, услышав из собственных уст государя его любовь к России. Менее неуравновешенным, но столь же покаянным был тон другого несостоявшегося убийцы, теперь уже заключённого, — Якубовича, который также адресовал своему царственному тюремщику письмо с предложением разных реформ и с уверением, что если государь их примет, то «недовольные... исчезнут, как туман перед солнцем, и Вы будете спасителем отечества... а любовь пятидесяти двух миллионов Ваших подданных станет предвестием Вашей бессмертной славы».⁶⁰

Разумеется, были и такие, кто отказался присоединиться к этому общему тону раскаяния и раболепия. Один из стандартных вопросов, задававшихся обвиняемым, звучал так: «С каких пор и от кого вы восприняли либеральные идеи? От знакомых ли ваших, или от чтения книг, и если так, то каких именно? И кто ответствен за ваше окончательное обращение к ним?» На это Михаил Лунин с гордостью отвечал, что верил в свободу с той минуты, как начал мыслить самостоятельно, и ничто иное, кроме велений собственного разума, не привело его к убеждённому либерализму».⁶¹ О Петре Борисове, одном из основателей Общества соединённых славян, его следователь записал: «...Он заявил, что, принеся себя в жертву отечеству, радостно ожидает всего, что бы ни было ему предназначено».⁶²

Но это лишь отдельные голоса в общем хоре взаимных упрёков, самообвинений и просьб о помиловании, исходивших от заключённых декабристов. Многие особенно винули Рылеева за то, что он совратил их с пути долга. Царь проявил себя талантливym инквизитором. Некоторые, кто поначалу держался вызывающе, по его приказу оставались закованными в цепи, пока не начинали говорить с «сердечною откровенностью», как гласила официальная формула, — и в конце концов неизменно начинали. С другими он вёл более тонкую игру: как они, его старые товарищи по гвардии, могли спутаться с людьми, желавшими истребить весь императорский дом? Они ещё могли искупить свою вину, если расскажут всё. Он облегчал материальную нужду жены Рылеева, оказавшейся без всяких средств к существованию, и когда поэт узнал об этом, он написал своей жене, прося её молиться за императорский дом. Так обвиняемые выдавали властям не только своих соучастников, но порой и таких людей, как Лунин, который уже много лет не имел никакого отношения к тайному обществу.

Главной заботой императора и его агентов было раскрыть весь масштаб и предысторию заговора. Заключённых бесконечно расспрашивали об их знании не только собственного

⁵⁹ Бороздин, с. 22.

⁶⁰ Бороздин, с. 81.

⁶¹ Материалы, III, с. 124, 128.

⁶² Материалы, V, с. 100.

общества, но и любых других тайных обществ и оппозиционных кружков в России и Польше. Темой, которая будет отдаваться эхом в подобных процессах вплоть до наших дней, было любопытство властей относительно возможных связей декабристов с революционными движениями за границей и официальное недоверие к мысли, что русские могли восстать против своего правительства сами по себе, без какого-либо внешнего подстрекательства. А может быть, за заговором стояла какая-нибудь иностранная держава, особенно Великобритания? Вера в то, что «коварный Альбион», завидуя её величию, стремится вызвать в России беспорядки, доживёт и до советской эпохи, когда на московских показательных процессах 1930-х годов обвиняемых заставят признаться в связях с британской разведкой.

Столь же настойчиво следователи старались найти каких-либо высокопоставленных чиновников, которые могли знать о мятежных планах или сочувствовать им. Но и здесь обвиняемые не могли сообщить ничего конкретного, что оправдало бы подозрения императора. Правда, между собой они обсуждали таких людей, как Сперанский, Мордвинов и главнокомандующий на Кавказе генерал Ермолов, как возможных кандидатов во временное правительство после переворота, но никаких сведений, связывающих их с заговором, не дали.

Инквизиторская тактика императора понятна, если принять во внимание его не лишённое оснований подозрение, что, увенчавшись восстанием успехом, значительная часть русской элиты приветствовала бы его и, быть может, тысячи две или три знали о целях тайного общества и сочувствовали им. Если бы он хотел искоренить инакомыслие, сказал ему один из заключённых декабристов, ему пришлось бы уничтожить всё поколение, выросшее при его брате. Но на это Николай не хотел и не мог пойти: править путём массового террора было не во власти самодержавия XIX века. Сперанскому и Мордвинову было позволено сохранить свои высокие посты. Ермолова вскоре сняли с его должности, но иначе не наказали. Из примерно пятисот арестованных многие, стоявшие на периферии заговора или вовремя от него отошедшие и сумевшие убедить власти в своём «сердечном раскаянии», были освобождены; некоторые из них, как, например, Михаил Муравьёв, впоследствии достигнут высоких постов в военной и гражданской иерархии. Революционный дух в русском обществе не был изгнан катастрофой 14 декабря, но на весь остаток царствования Николая он будет сдерживаться другой социальной чертой — раболепием перед существующей властью. До непристойности странно, что уже на следующий день после казни брата Владимиру Пестелю могли предложить — и он мог принять — должность флигель-адъютанта при императоре.

Режим проявил большое усердие в стремлении отыскать интеллектуальные истоки мятежа. Анкета, которую должны были заполнить все заключённые декабристы, содержала несколько вопросов, касавшихся их воспитания и образования. Откуда происходили «злоумышленные» идеи, вдохновлявшие их мятежные действия? Какие книги, учителя или жизненные впечатления впервые посеяли в их умах семена измены? Были ли они практикующими христианами? (Довольно многие были.) Сам допрос отражал искреннее недоумение допрашивающих: неужели русский дворянин и офицер мог сам по себе прийти к нелепой мысли предать своего государя или к убеждению, что его страна нуждается в конституционном правлении или пригодна для него? Если они не были соблазнены какой-

нибудь иностранной державой или революционерами, значит, они впали в своё роковое заблуждение под воздействием вредоносных иностранных идей. Но впечатление, ясно проступающее из ответов, состоит в том, что главным источником декабристского замысла были не французские или английские мыслители, а ужасающая реальность русской жизни.

Самый нравственно сомнительный аспект восстания почти не затрагивался следствием. Ни в один момент декабристов не спросили, как они могут оправдать грубый обман, к которому прибегли, поднимая своих солдат на мятеж. Да и никто из главных участников драмы тогда или позже не счёл нужным выразить раскаяние по поводу этой мистификации. Между тем обманутые, простодушные люди дорого заплатили за доверие к своим офицерам. Возможно, около двухсот было убито 14 декабря и 3 января. Другие, хотя и были лишь орудиями в борьбе и в большинстве своём совершенно не понимали её подлинной цели, подверглись бесчеловечным карам. Плеть, в некоторых случаях — двенадцать тысяч ударов (поразительно, что некоторые выжили), пожизненная ссылка и каторжные работы в Сибири стали уделом тех, кого признали особенно деятельными участниками событий. Практически все солдаты, последовавшие за своими декабристскими офицерами, были выведены из своих полков и переведены в части на Кавказе, где их должны были косить болезни и пули горцев.

Императорским указом от 1 июня 1826 года, учреждавшим особый Верховный уголовный суд для так называемого суда над мятежниками, в него были назначены семьдесят два судьи из числа сановников империи, в том числе, в качестве испытания их верности, Сперанский и Мордвинов. Единственная функция суда состояла в том, чтобы определить степень вины и установить меру наказания для всех 121 декабриста, чьи дела были переданы ему следственной комиссией. И всё же слово «определить» здесь слишком сильно, поскольку в действительности судьёй был Николай, а суд лишь выражал его волю в юридических формулах. Поэтому неудивительно, что дело, которое, казалось бы, было чрезвычайно сложным и касалось столь многих лиц, было решено всего за пять недель; быстроте разбирательства способствовало полное отсутствие и обвиняемых, и какой-либо защиты. Жестокая обязанность Сперанского состояла в том, чтобы облечь в слова приговор, определявший гибель людей, многие из которых были его близкими друзьями. Лишь один судья оказался достоин этого имени: адмирал Мордвинов высказался против смертной казни для пятерых обвиняемых, справедливо указав, что действующий закон запрещает смертную казнь. Но Николай уже давно решил, что пятеро, которых он считал главными виновниками, должны умереть, тогда как остальные, какова бы ни была степень их вины или юридические тонкости их приговоров, должны быть сосланы навеки в Сибирь либо рядовыми на Кавказский фронт и, по меньшей мере при его жизни, никогда не получить разрешения вернуться в Европейскую Россию. Так оно и случилось.

Но церемония во дворе Петропавловской крепости 13 июля 1826 года и пять повешений не означали конца истории декабристов. Они открывали её важнейшую фазу. Те самые люди, которые проявили неумение в заговоре и жалкое бессилие в поражении, теперь, благодаря мужеству перед лицом несчастья и достоинству, с каким они переносили страдания, искупили свои грехи как действия, так и бездействия. Были, конечно, обычные для ссыльных ссоры,

некоторые пали духом и нравственно опустились, но для большинства декабристов их сибирская ссылка стала временем духовного и интеллектуального роста и размышления. Выйдя из тюрьмы и получив разрешение стать поселенцами, многие из них занялись скромной, но существенной социальной и просветительской деятельностью, став пионерами культуры в этом прежде диком крае. Его население вскоре стало видеть в них уже не политических преступников, а представителей всего лучшего и наиболее человеческого, что было в русской жизни.

Лишая декабристов титулов и имений и запрещая их жёнам и детям следовать за ними, если только они сами не выбирали вечное изгнание, режим надеялся изгнать инакомыслие из общества и дать урок образованному классу. Но на деле на протяжении всех тридцати лет реакции, которыми было царствование Николая, рдеющая горстка ссыльных в далёкой Сибири продолжала тяжело давить на совесть нации, служа постоянным напоминанием для тех, кто оставался дома, что Россия могла бы быть иной. Если деятельность декабристов до 1825 года нередко напоминала «безумные подростковые игры», то воздействие той легенды, в которую они превратились, не менее хорошо выражено в поэтическом послании Пушкина к ним:

Ваш скорбный труд и дум высокое стремленье
Не пропадут...
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа.⁶³

Александр Одоевский, тот самый Одоевский, который накануне восстания говорил о том, что надо умереть славно, и который во время следствия совершенно пал духом, написав Николаю, что хочет пасть к стопам своего Всемиловитейшего Государя, ответил Пушкину собственным стихотворением:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеёмся над царями.
Наш скорбный труд не пропадёт:
Из искры возгорится пламя,
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.⁶⁴

⁶³ Пушкин, Сочинения, III (1949), с. 7.

⁶⁴ Стихотворения и письма (Москва, 1934), с. 1111.

В 1900 году группа русских марксистов, в которую входил и Ленин, выбрала «Искру» названием своего революционного журнала, оправдывая его девизом: «Из искры возгорится пламя».

И всё же, если декабристы и зажгли эту искру, они до конца сохранили в себе одну черту, которая вновь проявится и у тех, кто пойдёт следом за ними по революционному пути, и которая станет одной из причин того, что, когда великое пламя разгорится, оно не принесёт русскому народу свободы. Эта черта ярко иллюстрируется историей Сергея Волконского. За участие в Южном обществе Волконский, князь и генерал-майор, был лишён титулов и имений и сослан пожизненно в Сибирь. Его жена, одна из того героического круга женщин, что предпочли разделить изгнание своих мужей-декабристов, могла сделать это лишь ценой того, что и сама уже никогда не вернётся в Европейскую Россию. Ей пришлось оставить их грудного сына, вскоре умершего. Но когда уже престарелый Волконский услышал в 1855 году о смерти Николая I, он разрыдался горькими слезами. Его внук и биограф объяснил это странное поведение. Нет, это были не слёзы радости и не слёзы о собственной сломанной жизни. Князь плакал по Николаю, потому что боялся, что станет с Россией, оставшейся без его железной руки. Он, как и многие люди его поколения и последующих поколений, видел во внешней мощи и внутреннем порядке признак национальной силы.

И когда же наше национальное сознание освободится от этого рокового смешения [между властью и народным благом], которое внесло столько лжи во все сферы национальной жизни, лжи, окрасившей нашу политику, нашу религиозную и общественную мысль, наше образование. Ложь была главным недугом русской политики вместе с её обычными спутниками — лицемерием и цинизмом. Они проходят через всю нашу историю. Но ведь цель жизни состоит не просто в том, чтобы существовать, а в том, чтобы существовать достойно. И если мы хотим быть честны перед самими собой, то должны признать: если Россия не может существовать иначе, чем она существовала в прошлом, значит, она не заслуживает того, чтобы выжить. А доньше у нас не было доказательства того, что страной можно управлять иначе.⁶⁵

Горькие слова, столь же актуальные теперь, как и в то время, когда они были написаны.

⁶⁵ Сергей Волконский, Декабристы — семейные воспоминания (Санкт-Петербург, 1922), с. 96.